

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Время
предательства

A winter scene featuring a wooden cabin with a lit window, snow-covered ground, and red berries in the foreground. The background shows a snowy landscape with trees and a sunset sky.

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Время предательства

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Время предательства / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-12434-9

Роман «Время предательства» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Психологическая острота и динамизм повествования, присущие всем детективам Пенни, обещают читателю захватывающее путешествие по перипетиям сюжета вплоть до самой развязки. Для Армана Гамаша настали трудные времена. Его самый верный и преданный помощник отвернулся от своего наставника. Отдел по расследованию убийств, который Гамаш кропотливо создавал многие годы, расформирован, все сотрудники переведены в другие отделы, а на их место приняты бездельники и наглецы. Самого Гамаша всячески вынуждают уйти в отставку. Но прежде чем сделать это, он должен провести последнее расследование. Из деревни Три Сосны ему приходит сообщение о том, что пропала подруга Мирны Ландерс, обещавшая приехать к ней на Рождество. Начиная поиски пропавшей женщины, Гамаш еще не знает, что под именем Констанс Пино скрывалась одна из самых знаменитых личностей не только Канады или Северной Америки, но и всего мира... Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-12434-9

© Пенни Л., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	46
Глава девятая	50
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	59
Глава двенадцатая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Луиза Пенни

Время предательства

Louise Penny

HOW THE LIGHT GETS IN

Copyright © Three Pines Creations, Inc. 2013

All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Луиза Пенни – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека (в настоящее время вышло 11 романов). Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger». Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Гамаш – удивительно сложный и привлекательный герой, которому суждено стать одним из классических литературных детективов.

Kirkus Reviews

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте... хотя Луиза Пенни сделала и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно отыскать ее.

The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.

People

Глава первая

Одри Вильнёв знала: то, что возникает перед ее мысленным взором, никак не может происходить на самом деле. Взрослая женщина, она прекрасно понимала разницу между видением и реальностью. Но каждое утро, отправляясь на работу из дома на восточной окраине Монреаля и проезжая по туннелю Виль-Мари, она видела это. Слышала. Чувствовала, как оно происходит.

Первым знаком станет красная вспышка стоп-сигналов, когда водители ударят по тормозам. Грузовичок впереди завихляется, его занесет, бросит в сторону. Дьявольский визг шин отразится эхом от безжалостных стен и обрушится на Одри, поглотив ее целиком. Гудки, вой сигнализации, скрежет тормозов, крики людей.

А затем она увидит, как огромные бетонные блоки начнут отваливаться от потолка, таща за собой клубок металлических вен и связок. Туннель вывернет наружу свои внутренности, удерживавшие всю структуру. Удерживавшие сам город Монреаль.

До нынешнего дня.

А потом, потом... овал света в конце туннеля закроется. Словно глаз.

И наступит темнота.

И долгое, долгое ожидание твоего превращения в лепешку.

Каждое утро и каждый вечер, когда Одри Вильнёв проезжала по этому инженерному чуду, соединяющему один конец города с другим, оно рушилось.

– Все будет в порядке, – с улыбкой сказала она себе. – Ничего не случится.

Она включила музыку погромче и принялась подпевать вслух.

И все же ее пальцы на рулевом колесе стало пощипывать, потом они похолодели и занемели, сердце забилося учащенно. Струя жидкой грязи брызнула на лобовое стекло. Дворники смели ее, оставив полумесяц в мутную полоску.

Движение машин замедлилось и наконец совсем прекратилось.

Одри широко раскрыла глаза. Такого прежде не случалось. Езда по туннелю и та вызвала ужас, что уж говорить про остановку. Мозги у нее отключились.

– Все будет хорошо.

Но из-за невыносимого шума в голове Одри не услышала собственного голоса, такого тонкого и слабого.

Она нажала локтем на блокиратор дверей. Не для того, чтобы никто к ней не ворвался, а чтобы самой не выскочить наружу. Слабая попытка не позволить себе распахнуть дверь и бежать, с криком бежать прочь из туннеля. Она ухватила за руль. Крепко ухватила. Крепко. Еще крепче.

Взгляд ее заметался по заляпанному грязью отбойнику, по потолку, по дальней стене.

Трещины.

Господи, трещины.

И небрежные попытки их залатать.

Не отремонтировать – спрятать.

«Это не значит, что туннель сейчас обрушится», – успокаивала она себя.

Но трещины расширились, заглушая голос разума. Ожили все монстры ее воображения и стали рваться наружу, пытаясь протиснуться сквозь эти щели.

Одри выключила музыку, чтобы сосредоточиться, все ее чувства обострились. Машина впереди чуть продвинулась. И тут же остановилась.

– Давай, давай, давай, – взмолилась Одри.

Она оказалась в ловушке и была напугана. Бежать некуда. Туннель ужасен, но то, что ждало ее под серым декабрьским небом, было еще хуже.

Одри знала это много дней, недель, месяцев, даже лет, если уж быть откровенным. Монстры существовали. Они жили в трещинах туннеля, в темных переулках, в рядах аккуратных стандартных домиков. Их звали Франкенштейн, Дракула, Марта, Дэвид, Пьер. И они всегда оказывались там, где ты их совсем не ожидаешь увидеть.

Она посмотрелась в зеркало заднего вида и встретила взгляд испуганных карих глаз. Но в отражении она увидела и свое спасение. Свою серебряную пулю. Свой осиновый кол.

Это было красивое вечернее платье.

Она создавала его долгими часами. А ведь могла бы, должна была бы потратить это время на то, чтобы красиво упаковать рождественские подарки мужу и дочерям. Испечь для них сладкие звездочки, ангелочков, веселых снеговиков с пуговичками из конфеток и глазками из кусочков мармелада.

Но каждый вечер, вернувшись домой, Одри Вильнёв шла напрямиком в цокольный этаж и садилась за швейную машинку. Склонялась над тканью изумрудного цвета и вкладывала все свои надежды в вечернее платье.

Она наденет его в праздничный день, придет на рождественскую вечеринку, оглядится вокруг и почувствует, как устремляются к ней удивленные взоры. Вечно одетая старомодно, Одри Вильнёв в облегающем зеленом платье окажется в центре внимания. Но такой успех ей не нужен. Ей требуется привлечь внимание всего лишь одного человека. А потом она сможет расслабиться.

Она скинет с себя тяжкий груз и будет продолжать жить дальше. Проломы будут ликвидированы, трещины заделаны. Монстры вернуться туда, где им и положено быть.

Впереди виднелся съезд на мост Шамплейна. Обычно она выбирала другой маршрут, но день сегодня выдался необычный.

Одри включила поворотник и заметила, как скривился мужчина в соседней машине. Что это она надумала? Их тут всех заклинило. Однако Одри Вильнёв заклинило больше, чем любого из них. Мужчина показал ей средний палец, но она не обиделась. В Квебеке такой жест считался дружеским приветствием. Если бы уроженец Квебека когда-нибудь создал автомобиль, то на его капоте он нарисовал бы средний палец. В обычной ситуации она бы ответила таким же дружеским приветствием, однако сегодня ей было не до этого.

Она встроилась в правый ряд, намереваясь съехать на мост. От стены ее отделяли всего несколько футов. В одну из дыр вполне вошел бы ее кулак.

«Все будет хорошо».

Одри Вильнёв знала: многое ждет ее впереди, а вот что-то хорошее – вряд ли.

Глава вторая

– Заведи свою собственную сраную утку, – проворчала Рут и прижала Розу к себе, как живое пуховое одеяло.

Констанс Пино улыбнулась, глядя перед собой. Четыре дня назад ей бы и в голову не пришло обзавестись уткой, но сегодня она по-настоящему завидовала Рут с ее Розой. И не только потому, что утка согревала в холодный декабрьский день.

Четыре дня назад она бы ни за что не решилась покинуть удобное кресло у камина в бистро и усесться на ледяную скамейку рядом с этой женщиной, то ли пьяной, то ли выжившей из ума.

Четыре дня назад Констанс Пино не подозревала, что тепло приходит в разных формах. Как и здравомыслие. Теперь она знала это.

– Защи-и-и-ита! – прокричала Рут юным хоккеистам на замерзшем пруду. – Да бога ради, Эйми Паттерсон, даже Роза сыграла бы лучше!

Эйми проехала мимо, и Констанс услышала из ее уст слово, похожее на «шлак». Или на «злак». Или на...

– Они меня обожают, – сообщила Рут то ли Констанс, то ли Розе. То ли морозному воздуху.

– Они вас боятся, – возразила Констанс.

Рут посмотрела на нее острым оценивающим взглядом:

– Ты все еще здесь? Я думала, ты умерла.

Констанс рассмеялась, ее смех легким дуновением пролетел над деревенским лугом и смешался с дымком из труб.

Четыре дня назад ей казалось, что она никогда больше не засмеется. Но теперь, утопая по щиколотки в снегу и мороза задницу на скамейке рядом с Рут, она узнала кое-что новое для себя. Спрятанное здесь, в Трех Соснах, где сохранился смех.

Некоторое время обе женщины наблюдали за происходящим на деревенском лугу в полном молчании, если не считать странного покрякивания. Констанс надеялась, что этот звук производит утка.

Констанс и Рут были почти одногодками, но полными противоположностями. У первой был мягкий характер, у второй – жесткий. Констанс свои шелковистые длинные волосы собирала в аккуратный пучок, а Рут свои, непослушные, коротко стригла. Констанс была любезной, а Рут – резкой. Сплошные края и грани.

Роза зашевелилась и похлопала крыльями. Потом прыгнула с коленей Рут на заснеженную скамейку, сделала несколько шажков к Констанс, забралась к ней на колени и устроилась поудобнее.

Рут прищурилась, но не шелохнулась.

С тех пор как Констанс приехала в Три Сосны, снег шел беспрестанно, днем и ночью. Всю свою взрослую жизнь она прожила в Монреале и уже забыла, каким прекрасным может быть снег. Она привыкла к тому, что снег – это нечто такое, что подлежит уборке. Своего рода мусор с небес.

Но сейчас она видела снег своего детства. Веселый, игривый, яркий и чистый. Чем больше, тем веселее. Не снег – игрушка.

Он покрывал дома из плитняка, из дерева, из розового кирпича, окружавшие деревенский луг. Он покрывал бистро и книжную лавку, пекарню и универсам. Констанс казалось, что тут поработал алхимик и плодами его трудов стали Три Сосны. Он создал деревню из воздуха и опустил в долину. А возможно, крохотная деревня, как и снег, свалилась с небес, чтобы обеспечить мягкую посадку для тех, кто упадет следом.

Приехав в деревню, Констанс поставила машину у книжного магазинчика Мирны. Когда снегопад перешел в метель, она забеспокоилась.

– Переставить машину? – спросила она у Мирны, перед тем как лечь спать.

Мирна остановилась у окна своего магазина старой и новой книги, обдумывая вопрос.

– По-моему, ей там самое место.

Ей там самое место.

И Мирна оказалась права. Констанс провела беспокойную ночь, прислушиваясь, не зазвучит ли сирена снегоуборщика, предупреждающая о том, что нужно откопать и переставить машину. Окна в ее комнате дребезжали под порывами ветра, швыряющего в них снегом. Она слышала, как вьюга завывает в ветках деревьев, между домами. Будто какой-то зверь вышел на охоту. Наконец Констанс уснула, согрвшись под одеялом. Когда она проснулась, метель уже закончилась. Констанс подошла к окну, предполагая, что вот сейчас увидит свою машину, превратившуюся в белый холмик под толстым слоем нового снега. Но дорога оказалась расчищена, а все машины откопаны.

Машине Констанс было там самое место.

И Констанс наконец-то тоже.

Снег продолжал идти без перерыва четыре дня и четыре ночи, прежде чем Билли Уильямс вернулся со своим снегоуборщиком. И до его возвращения деревня Три Сосны утопала в снегу, отрезанная от внешнего мира. Но это не имело значения, ведь здесь было все необходимое.

Постепенно семидесятисемилетняя Констанс Пино осознала, что она чувствует себя на своем месте не потому, что у нее есть быстро, а потому, что у нее есть быстро Оливье и Габри. Не просто книжный магазин, а магазин Мирны, пекарня Сары, универсам месье Беливо.

Она приехала сюда самодостаточной городской женщиной, а теперь, засыпанная снегом, сидела на скамье рядом с сумасшедшей старухой, и колени ей согревала утка.

Так кто из них спятил?

Но Констанс Пино знала: нет, она ничуть не сумасшедшая, напротив, она только сейчас взялась за ум.

– Я пришла спросить, не хотите ли вы выпить, – сказала Констанс.

– Бога ради, старушка, почему же ты с этого не начала? – Рут встала и отряхнула снежинки с пальто.

Констанс тоже поднялась и протянула ей утку со словами:

– Сперва хотела согреться.

Хмыкнув, Рут приняла и Розу, и шутку.

По дороге они встретили Оливье и Габри, шедших из своей маленькой гостиницы.

– Метелью геев намело, – заметила Рут.

– Я когда-то был чист, как свежесвыпавший снег, – доверительно сообщил Габри Констанс. – А потом меня понесло.

Оливье и Констанс рассмеялись.

– В сторону Мэй Уэст? – спросила Рут. – А Этель Мерман¹ не заревнует?

– Тут места хватит для всех, – сказал Оливье, глядя на своего крупного партнера.

Констанс прежде никогда не имела дела с гомосексуалами, а если и имела, то не ведала об этом. Знала о них лишь то, что они – это «они». Не «мы». И «они» были извращенцами. Если же она пребывала в благодушном настроении, то считала гомосексуалов дефективными. Большими.

¹ Мэй Уэст (1893–1980) – американская актриса, секс-символ и одна из самых скандальных звезд своего времени. Этель Мерман (1908–1984) – американская актриса и певица, вела бурную сексуальную жизнь.

Но в основном она думала о них неодобрительно. Даже с отвращением. Если вообще думала.

Однако четыре дня назад ее взгляды начали меняться. С тех пор как пошел снег и деревенька оказалась отрезанной от большого мира. С тех пор как она узнала, что именно Оливье, к которому она поначалу отнеслась с прохладцей, откопал ее машину. По доброй воле и без лишних слов.

С тех пор как она увидела из окна своей спальни над книжным магазином Мирны, что Габри, согнувшись под напором ветра и снега, несет кофе и теплые круассаны жителям деревни, не сумевшим добраться до бистро к завтраку.

На ее глазах он доставил еду, потом очистил от снега их крылечки, лестницы и дорожки. И ушел. Направился к следующему дому.

Констанс почувствовала, как Оливье надежно поддерживает ее под локоть своей твердой рукой. Если бы сейчас в деревне оказался кто-то со стороны, что бы он подумал? Что Габри и Оливье – ее сыновья?

Она бы не возражала.

Констанс вошла в бистро и ощутила ставший знакомым запах. Темные деревянные балки и широкие сосновые доски пола успели за прошедший век пропитаться запахом горящих кленовых поленьев и крепкого кофе.

– Сюда!

Констанс пошла на голос. Сквозь окна, разделенные средниками, проникал тусклый декабрьский свет, почти не освещавший бистро. Ее глаза скользнули по большим каминам в обоих концах зала: там плясали веселые язычки пламени, а вокруг каминов стояли удобные диваны и кресла. В центре бистро располагались старинные сосновые столы, на которых поблескивали серебряные приборы и стояли разномастные тарелки тонкого фарфора. Большая пушистая елка в углу мигала красными и зелеными огоньками, на ее ветвях были хаотично развешены всевозможные безделушки, шарики, сосульки.

Несколько посетителей, сидевших в креслах, попивали кофе с молоком или горячий шоколад и читали вчерашние газеты на французском и английском.

Оклик раздался из дальнего конца зала, и хотя Констанс еще не видела женщину отчетливо, она точно знала, кто ее зовет.

– Я взяла для вас чай.

Мирна стояла в ожидании у одного из каминов.

– Ты бы поговорила с ней, – сказала Рут, садясь на лучшее место у огня и кладя ноги на скамеечку.

Констанс обняла Мирну, почувствовала ее мягкое тело под толстым свитером. Хотя Мирна была крупной чернокожей женщиной лет на двадцать моложе ее, она казалась Констанс матерью и даже пахла как ее мать. Поначалу это выбивало Констанс из колеи, словно кто-то слегка подталкивал ее. Но потом она приобрела вкус к объятиям Мирны.

Прихлебывая чай, Констанс поглядывала на пляшущие язычки пламени и вполуха слушала разговор Мирны и Рут о последней партии книг, доставку которых задержал снег.

Она поймала себя на том, что согрелась и начинает клевать носом.

Четыре дня. И вот уже у нее появились два сына-гея, большая черная мама и спятившая подружка-поэтесса, а сама она стала подумывать, не обзавестись ли уткой.

Нет, совсем не этого ожидала она от своей поездки.

Она задумалась, загипнотизированная огнем. Вряд ли Мирна понимала, зачем Констанс приехала. Зачем нашла ее по прошествии стольких лет. Было очень важно, чтобы Мирна поняла, но теперь время истекало.

– Снег прекращается, – сказала Клара Морроу.

Она провела рукой по волосам, пытаясь привести их в порядок, однако получилось только хуже.

Констанс встряхнулась, осознав, что пропустила момент появления Клары.

Она познакомилась с ней в первый же день приезда в Три Сосны. Их с Мирной пригласили на обед, и Констанс, которая рисовала себе тихий обед наедине с Мирной, не сумела вежливо отказаться от приглашения. Поэтому они облачились в пальто и сапожки и двинулись к Кларе.

Предполагалось, что их будет трое, и она ожидала этого с опаской, но тут явилась Рут Зардо со своей уткой, и вечер из плохого превратился в провальный. Утка Роза весь вечер покрякивала что-то похожее на «фак, фак, фак», а Рут бесконечно пила, бранилась, всех оскорбляла и перебивала.

Констанс, конечно, слышала про нее. Награждение сей поэтессы премией генерал-губернатора практически означало, что Канада готова иметь съехавших с катушек, озлобленных лауреатов в области поэзии.

Но кто тебя обидел так,
что ран не залечить,
что ты теперь любую
попытку дружбу завязать с тобой
встречаешь, губы сжав?

Вечер шел, и Констанс поняла, что это хороший вопрос. Ей хотелось задать его спятившей поэтессе, но она остереглась из опасения, что в ответ у нее спросят то же самое.

Клара приготовила омлет с расплавленным козьим сыром, к которому прилагались зеленый салат и свежие, еще теплые багеты. Ели они в большой кухне, а когда закончили и Мирна приготовила кофе, Рут и Роза отправились в гостиную, а Клара повела Констанс в свою мастерскую. Там было тесно от кисточек, палитр, полотен. Пахло масляными красками, скипидаром и перезрелыми бананами.

– Питер не отстал бы от меня, пока бы я тут не убрала, – заметила Клара, глядя на этот кавардак.

За обедом Клара рассказывала, что они с мужем расстались. Констанс изображала сочувствие, размышляя, не выбраться ли ей отсюда через окно в туалете. Умереть в снегу от холода немногим хуже, разве нет?

И вот Клара снова заговорила о муже. Об изгнанном муже. Выволакивала на свет божий свое белье. Выдавала подробности. Это было неприглядно, неприлично и ненужно. И Констанс захотелось поскорее домой.

Из гостиной то и дело раздавалось «фак, фак, фак», причем она не могла разобрать, чей это голос – утки или поэтессы.

Клара прошла мимо мольберта. На полотне виднелись призрачные очертания того, что со временем могло превратиться в человека. Констанс без особого энтузиазма последовала за Кларой в дальний конец мастерской, где та включила лампу, осветив маленькое полотно.

Поначалу оно показалось Констанс неинтересным, совершенно непримечательным.

– Я бы хотела вас написать, если не возражаете, – сказала Клара, не глядя на гостью.

Констанс оцетинилась. Неужели Клара узнала ее? Неужели ей известно, кто она такая?

– Вообще-то, возражаю, – ответила она твердым голосом.

– Я вас понимаю, – сказала Клара. – Не уверена, что я была бы в восторге, пожелай кто-то написать меня.

– Почему?

– Я боюсь того, что во мне могут увидеть.

Клара улыбнулась и пошла назад к двери. Констанс двинулась за ней, но напоследок еще раз взглянула на маленький портрет. На нем была изображена Рут Зардо, которая теперь заснула и похрапывала на диване в гостиной. На картине старая поэтесса тонкими, похожими на когти пальцами вцепилась в синюю шаль, стягивая ее у горла. Вены и сухожилия на ее шее просвечивали сквозь кожу, прозрачную, как папиросная бумага.

Кларе удалось передать ожесточенность Рут, ее одиночество, ее неистовство. И Констанс вдруг поняла, что не в силах оторвать глаз от портрета.

У дверей мастерской она оглянулась. Ее глаза утратили прежнюю остроту, но, чтобы увидеть то, что сумела передать Клара, и не требовалось особой остроты. Клара изобразила Рут, но и еще кого-то. Образ, который Констанс помнила со своего коленапоклоненного детства.

Это была старая полоумная поэтесса, но также и Дева Мария. Матерь Божья. Забытая, обиженная. Всеми покинутая. Вззирающая на мир, который больше не помнил, кого она родила ему.

Констанс порадовалась, что не дала разрешения написать свой портрет. Если так Клара видела Матерь Божью, то что она увидит в Констанс?

Позднее тем вечером Констанс, словно случайно, снова подошла к дверям мастерской.

Единственная лампа по-прежнему освещала портрет, и даже от дверей Констанс видела, что хозяйка мастерской изобразила не просто безумную Рут. И не просто забытую и озлобленную Марию. Пожилая женщина смотрела вдаль. В мрачное, одинокое будущее. Но... Но... Где-то там, почти недостижимое, едва намеченное, было что-то еще.

Клара передала отчаяние, но также и надежду.

Констанс взяла кофе и вернулась к Рут и Розе, Кларе и Мирне. Она стала прислушиваться к ним. И начала, пока лишь начала понимать, каково это – уметь увидеть суть человека.

Это случилось четыре дня назад.

А теперь она складывала вещи и собиралась уезжать. Еще одна чашечка чая в бистро – и ее здесь не будет.

– Не уезжайте, – прозвучал тихий голос Мирны.

– Я должна.

Констанс отвела глаза от Мирны. Уж слишком много в их взгляде было личного. Она посмотрела на тронутое морозцем окно, за которым лежала засыпанная снегом деревня. Ступались сумерки, и на домах и деревьях загорались рождественские огоньки.

– Могу я вернуться? На Рождество?

Последовало долгое, долгое молчание. И все старые страхи Констанс воспрями, выползая из этого молчания. Она опустила глаза на руки, аккуратно сложенные на коленях.

Она подставилась. Позволила себе поверить, что она в безопасности, что ее любят, что ей рады.

Но тут на ее руку легла большая ладонь.

– Я буду рада, – сказала Мирна и улыбнулась. – Мы славно повеселимся!

– Повеселимся? – переспросил Габри, шлепнувшись на диван.

– Констанс вернется на Рождество.

– Замечательно. Можете приехать на рождественское богослужение. Мы поем все хиты: «Тихая ночь», «Первое Рождество»...

– «Двенадцать геев Рождества»², – подхватила Клара.

– «И в голубые небеса», – добавила Мирна.

– Сплошная классика, – подытожил Габри. – Впрочем, на сей раз у нас будет кое-что новенькое.

² Обыгрывается название известной рождественской песни «Двенадцать дней Рождества».

– Я надеюсь, не «О святая ночь», – сказала Констанс. – Не уверена, что я готова для этого³.

Габри рассмеялся:

– Нет. «Гуронская рождественская песня». Вы ее знаете?

Он пропел несколько тактов старинной квебекской песни.

– Мне нравится, – кивнула Констанс. – Но ее теперь никто не поет.

Впрочем, не стоило удивляться тому, что в этой маленькой деревне она нашла нечто почти утраченное остальным миром.

Констанс попрощалась, и под восклицания «À bientôt!»⁴ они с Мирной пошли к ее машине.

Констанс включила двигатель, чтобы прогрелся. Для игры в хоккей на пруду было уже темновато, и дети уходили с площадки, брели по снегу на коньках, опираясь на клюшки.

Констанс поняла: либо сейчас, либо никогда.

– Мы тоже играли, – сказала она, и Мирна проследила за ее взглядом.

– Играли в хоккей?

Констанс кивнула:

– У нас была своя команда. Нас тренировал отец, а мама за нас болела. Это был любимый вид спорта брата Андре.

Она поймала взгляд Мирны. «Так, – подумала она. – Дело сделано». Наконец-то ее грязная тайна раскрыта. Когда она вернется, у Мирны будет тысяча вопросов. И Констанс знала, что теперь она сможет на них ответить.

Мирна проводила подругу взглядом и больше не вспоминала об этом разговоре.

³ В этой рождественской песне верующих призывают встать на колени и ждать спасения.

⁴ До скорого! (фр.)

Глава третья

– Подумайте хорошенько, – произнес Арман Гамаш нейтральным голосом.

Почти нейтральным. Но во взгляде его умных карих глаз никакой нейтральности не было.

Их взгляд был жестким, холодным. Непреклонным.

Гамаш смотрел на агента поверх полукруглых очков и ждал.

В комнате для совещаний воцарилась тишина. Шуршание бумаги, дерзкое, пренебрежительное перешептывание – все стихло. Даже веселое переглядывание прекратилось.

Все уставились на старшего инспектора.

Инспектор Изабель Лакост, сидевшая рядом с ним, обвела взглядом собравшихся агентов и инспекторов. Шла еженедельная летучка отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Обычно они собирались для того, чтобы поделиться идеями и информацией по расследуемым делам. Если прежде такие летучки были продуктивными, то теперь Лакост стала их побаиваться.

И если у нее возникали такие ощущения, то что уж говорить о старшем инспекторе?

Впрочем, трудно было сказать, что думает и чувствует шеф.

Изабель Лакост знала его лучше, чем кто-либо из присутствующих. Она вдруг с удивлением поняла, что дольше всех служила под его началом. Остальных людей из старой гвардии перевели либо по просьбе, либо по приказу старшего суперинтенданта Франкёра.

А сюда стали направлять всякую шваль.

Самый успешный в стране отдел по расследованию убийств был уничтожен, умелые детективы заменены на ленивых, наглых, некомпетентных громил. Впрочем, таких ли уж некомпетентных? В качестве детективов – безусловно, но в этом ли состояла их работа?

Нет, конечно. Лакост знала (и, как она подозревала, Гамаш тоже знал), почему новые люди оказались в отделе. Вовсе не для расследования убийств.

Невзирая ни на что, старшему инспектору Гамашу каким-то образом удавалось управлять ими. Контролировать их. Хотя и весьма условно. Лакост чувствовала, что баланс сил меняется. С каждым днем в отделе появлялись все новые агенты. И она видела, как они обмениваются понимающими улыбками.

Лакост ощущала, как в ней нарастает злость.

Безумие толпы. Безумие нахлынуло на их отдел. И каждый день старший инспектор Гамаш взнуздывал его и брал под контроль. Но даже ему это удавалось все с большим трудом. Сколько он еще продержится, прежде чем окончательно потеряет власть?

Инспектора Лакост одолевали многие страхи, но в основном связанные с ее маленькими сыном и дочерью – не случится ли с ними чего-нибудь. Она понимала, что ее страхи по большей части иррациональны.

Однако страх перед тем, что может случиться, если старший инспектор потеряет контроль, не был иррациональным.

Она встретилась взглядом с одним из старых агентов, который сидел ссутулившись, скрепив руки на груди. Он явно скучал. Инспектор Лакост посмотрела на него осуждающим взглядом. Агент опустил глаза и покраснел.

Стыдится самого себя. Ну да, а что ему еще остается?

Лакост продолжала сердито смотреть на него, пока он не выпрямился и не опустил руки.

Она кивнула. Победа, хотя и маленькая и, несомненно, временная. Но в такие дни даже маленькие победы шли в счет.

Инспектор Лакост снова повернулась к Гамашу. Его большие руки спокойно лежали на столе поверх еженедельного доклада. Рядом была авторучка, которой он пока так и не восполь-

зовался. Его правая рука чуть подрагивала, и Лакост надеялась, что никто, кроме нее, этого не замечает.

Он был чисто выбрит и, казалось, ничуть не изменился. Мужчина под шестьдесят. Не сказать чтобы красивый, но весьма примечательный. Скорее похожий на профессора, чем на копа. Скорее похожий на исследователя, чем на охотника. От него пахло сандаловым деревом с оттенком розовой воды, а на работу он неизменно надевал пиджак и галстук.

Его темные ухоженные волосы поседели и чуть кудрявились у висков и за ушами. На лице виднелись морщины – неизбежное следствие возраста, забот и смешливости. Впрочем, его морщины не сильно углубились после недавних испытаний. И еще у него появился – и уже не исчезнет – шрам на левом виске. Напоминание о событиях, которые ни она, ни он никогда не забудут.

Его крупная шестифутовая фигура была внушительной. Не то чтобы мускулистой, но и не жирной. Он был основательным.

Основательным, думала Лакост. Как материк. Как мыс, вдающийся в огромный океан. Неужели непреклонная ныне стойкость все глубже прорезается морщинами и трещинами? Неужели образовавшиеся расщелины уже дают о себе знать?

Но в данный момент старший инспектор Гамаш не выказывал никаких признаков разрушения. Он смотрел на провинившегося агента, и даже Лакост не могла не испытывать к бедолаге некоторого сочувствия. Этот новый агент принял материк за песчаную косу. И только сейчас – слишком поздно – понял, с чем столкнулся.

На ее глазах пренебрежительность превратилась в беспокойство, потом в тревогу. Агент повернулся к своим друзьям в поисках поддержки, но они повели себя как трусливая стая гиен. Им не терпелось посмотреть, как его будут рвать на части.

До этого Лакост даже не догадывалась, с какой готовностью стая может наброситься на одного из своих. Или по меньшей мере отказать ему в помощи.

Она увидела пристальный взгляд Гамаша, устремленный на изворачивающегося агента, и поняла тактику шефа. Он испытывает их. Проверяет на взаимовыручку. Отделил одного из стаи и ждет – придет ли кто-нибудь спасти его.

Никто не пришел.

Изабель Лакост слегка расслабилась. Старший инспектор по-прежнему контролировал ситуацию.

Гамаш продолжал пристально смотреть на агента. Теперь заволновались и остальные. Один из них даже поднялся и сердито заявил:

– Меня ждут дела.

– Сядьте, – приказал Гамаш, не глядя на него.

И тот упал на стул как подкошенный.

Гамаш ждал. Ждал.

– *Désolé, patron*⁵, – произнес наконец агент. – Я еще не допрашивал подозреваемого.

Его слова повисли в воздухе. Презренное признание. Все собравшиеся только что слышали, как агент врал о якобы проведенном допросе, и теперь ждали, как с ним поступит старший инспектор. Как он отдубасит своего агента.

– Мы поговорим после летучки, – сказал Гамаш.

– Да, сэр.

Реакция последовала незамедлительно.

Хитроватые улыбки. После демонстрации силы со стороны начальства они вновь почувствовали его слабость. Если бы он разорвал агента в клочки, они прониклись бы к нему уважением. Стали бы побаиваться. Но пока они лишь почувяли запах крови.

⁵ Прошу прощения, шеф (*фр.*).

И Изабель Лакост подумала: «Да простит меня Господь, но мне жаль, что шеф не унизил, не опозорил этого агента. Не пригвоздил его к стене, чтобы другим неповадно было противостоять старшему инспектору Гамашу».

«Предел, его же не преjdeши»⁶.

Но Изабель Лакост прослужила в Квебекской полиции достаточно долго, чтобы понять, насколько легче стрелять, чем говорить. Насколько легче кричать, чем аргументировать. Насколько легче унижать, дискредитировать, злоупотреблять властью, чем вести себя достойно и оставаться вежливым даже по отношению к тем, кто такими качествами не обладает.

Насколько больше мужества требуется для того, чтобы быть добрым, чем жестоким.

Однако времена изменились. Изменилась полиция. Она превратилась в структуру, где жестокость вознаграждалась. И даже культивировалась.

Старший инспектор Гамаш знал это. И тем не менее подставлял свою шею. Поступает ли он так намеренно, или он и в самом деле настолько ослабел?

Лакост уже и не знала.

Но она знала другое: в течение полугода старший инспектор наблюдал за тем, как громят его отдел, как насаждают туда никчемных людей. Плоды трудов Гамаша уничтожались. Он видел, как верные ему люди уходят. Или становятся его противниками.

Поначалу он отбивался, но ему наносили все новые и новые удары. Раз за разом он возвращался побежденным после разговоров в кабинете старшего суперинтенданта. И теперь в нем, казалось, почти иссякла воля к сопротивлению.

– Следующий, – сказал Гамаш.

И так продолжалось в течение часа. Каждый агент испытывал терпение Гамаша. Однако мыс держался. Никаких признаков разрушения, никаких признаков того, что происходящее подтачивает его силы. Наконец летучка завершилась, и Гамаш поднялся. Инспектор Лакост тоже встала, и после некоторой заминки один за другим начали подниматься остальные агенты. У дверей старший инспектор оглянулся и посмотрел на агента, который ему солгал. Всего один взгляд, но и его оказалось достаточно: агент двинулся за Гамашем в его кабинет. Перед тем как дверь закрылась, Лакост увидела промелькнувшее на лице Гамаша выражение.

Усталость.

– Сядьте.

Гамаш показал на стул, а сам занял вращающееся кресло за своим столом. Агент попытался сделать вид, будто ему все нипочем, но быстро сник при виде этого сурового лица.

Голос старшего инспектора звучал с прирожденной властью.

– Вы довольны работой?

Вопрос застал агента врасплох.

– Наверное.

– Постарайтесь ответить получше. Вопрос простой. Вы довольны работой?

– У меня нет иного выбора.

– Выбор у вас есть. Вы можете уйти. Вас никто не держит. И я полагаю, вы вовсе не такой дурак, каким прикидываетесь.

– Я не прикидываюсь дураком.

– Нет? Тогда как вы назовете то, что вы так и не допросили главного подозреваемого по делу об убийстве? Как вы назовете вашу ложь на сей счет человеку, который, как вам хорошо известно, немедленно вас раскусит?

Однако агент, судя по всему, не предполагал, что его поймут на лжи. Ему явно и в голову не приходило, что он окажется один на один с шефом в его кабинете.

⁶ Книга пророка Даниила, 6: 7–8.

Но самое главное, ему не приходило в голову, что старший инспектор Гамаш, вместо того чтобы вгрызаться в него, рвать его на части, будет просто смотреть на него задумчивыми глазами.

– Я бы назвал это глупостью, – признал агент.

Гамаш не сводил с него глаз:

– Мне неважно, что вы обо мне думаете. Мне неважно, что вы думаете о вашем назначении сюда. Вы правы: это был не ваш выбор и не мой. Вы не готовы для работы в отделе по расследованию убийств. Однако вы агент Квебекской полиции, одной из лучших полицейских служб в мире.

Агент ухмыльнулся, но затем ухмылка на его лице сменилась легким удивлением.

Старший инспектор не шутил. Он действительно верил в то, что говорил. Верил, что Квебекская полиция – замечательная и эффективная полицейская служба. Стена между гражданами и теми, кто покушается на их благополучие.

– Насколько я знаю, вы пришли ко мне из отдела по расследованию тяжких преступлений.

Агент кивнул.

– Вы, вероятно, насмотрелись немало ужасов.

Агент сидел неподвижно.

– Трудно не стать циником, – тихо сказал Гамаш. – Мы здесь имеем дело с одним видом преступлений. В этом есть немалое преимущество. Мы становимся специалистами. А недостаток как раз в том, с чем нам приходится сталкиваться. Со смертью. Каждый звонок телефона – сообщение о новой смерти. Иногда случайной. Иногда насильственной. Иногда смерть оказывается естественной. Но в большинстве случаев речь идет об очень неестественной смерти. И вот тогда в дело вступаем мы.

Агент заглянул в глаза старшего инспектора, и на какой-то миг ему показалось, что он видит там страшные смерти, которые копились и множились день за днем на протяжении многих лет. Молодые и старые. Дети. Отцы, матери, дочери и сыновья. Убитые. Погубленные жизни. Мертвые тела, лежащие у ног старшего инспектора.

Смерть словно подключилась к их разговору, отчего атмосфера сгустилась, стала доверительнее.

– Знаете, что я понял по прошествии тридцати лет смертей? – спросил Гамаш, наклоняясь к агенту и понижая голос.

Агент невольно тоже подался вперед.

– Я понял, насколько драгоценна жизнь.

Агент смотрел на него, ожидая услышать что-то еще, но больше ничего не последовало, и он снова откинулся на спинку стула.

– Ваша работа здесь не пустяки, – сказал старший инспектор. – Люди на вас рассчитывают. Я на вас рассчитываю. Пожалуйста, отнеситесь к этому серьезно.

– Да, сэр.

Гамаш поднялся, а вместе с ним и агент. Старший инспектор проводил его до дверей и кивнул на прощание.

Все в отделе наблюдали за развитием ситуации, ожидая взрыва. Ожидая, что старший инспектор Гамаш разделается с агентом, совершившим проступок. Даже Лакост ждала и хотела этого.

Но ничего подобного не произошло.

Другие агенты переглянулись, больше не пытаясь скрыть удовлетворение. Легендарный старший инспектор Гамаш в конечном счете оказался слабаком. Его не то чтобы совсем поставили на колени, но еще немного – и так оно и случится.

Когда Лакост постучала, Гамаш оторвал взгляд от каких-то бумаг.

– Вы позволите войти, patron? – спросила она.

– Конечно.

Он поднялся и показал ей на стул.

Лакост закрыла дверь, понимая, что некоторые, если не все, агенты в большом кабинете смотрят на нее. Однако это ее не волновало. Они могут катиться ко всем чертям.

– Они хотели увидеть, как вы с ним расправитесь.

Старший инспектор кивнул:

– Я знаю. – Он внимательно посмотрел на нее. – А ты, Изабель?

Лгать шефу было бесполезно. Она вздохнула:

– Какая-то часть меня тоже не возражала бы. Но по другим причинам.

– И что же у тебя за причины?

Она мотнула головой в сторону двери:

– Этим вы показали бы им, что вами нельзя помыкать. Они понимают только грубую силу.

Гамаш несколько секунд взвешивал ее слова, потом кивнул:

– Ты, конечно, права. И должен признать, у меня было такое искушение.

Он улыбнулся ей. Ему понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к тому, что напротив него на стуле сидит не Жан Ги Бовуар, а Изабель Лакост.

– Я думаю, этот молодой человек когда-то верил в свою работу, – сказал Гамаш, наблюдая через внутреннее окно за тем, как провинившийся агент поднимает телефонную трубку. – Я думаю, все они верили. Я искренне считаю, что большинство из тех, кто поступает в Квебекскую полицию, руководствуются благородными целями.

– Служить и защищать? – спросила Лакост со слабой улыбкой.

– «Служба, честность, справедливость», – процитировал он девиз Квебекской полиции. – Я знаю, такие слова нынче старомодны. – Он поднял руки, показывая, что сдается.

– Так что же изменилось? – спросила Лакост.

– Почему порядочные молодые люди превращаются в скотов? Почему солдаты, мечтающие о подвиге, кончают тем, что мучают пленных и стреляют в гражданских? Почему политики становятся продажными? Почему копы до полусмерти избивают задержанных, нарушая законы, которые должны защищать?

Агент, только что вышедший из кабинета Гамаша, разговаривал по телефону. Несмотря на подначки других агентов, он делал то, о чем просил его Гамаш.

– Потому что они могут это делать? – спросила Лакост.

– Потому что все остальные так поступают, – ответил Гамаш, подавшись вперед. – Коррупция и жестокость – вот то, чему подражают, чего ждут, что вознаграждается. Такие вещи входят в норму. И любой, кто восстает против них, кто говорит, что так нельзя, терпит поражение. А то и еще хуже. – Гамаш покачал головой. – Нет, я не могу обвинять молодых агентов в том, что они сбились с пути. Редкий человек не сбился бы.

Шеф посмотрел на нее и улыбнулся:

– Ты спрашиваешь, почему я не порвал его на куски, хотя имел такую возможность? Вот поэтому. Но хочу тебя предупредить: не думай, что я поступил так из благородных побуждений. Скорее, это эгоистические побуждения. Мне нужно было доказать себе, что я еще не пал так низко. Должен признать, это было искушение.

– Присоединиться к старшему суперинтенданту Франкёру? – спросила Лакост, пораженная его признанием.

– Нет, создать в ответ собственную вонючую помойку.

Он взглянул на Лакост, словно взвешивая собственные слова.

– Я знаю, что делаю, Изабель, – тихо произнес он. – Доверяй мне.

– Я и не сомневалась.

И тут Изабель Лакост поняла, с чего начинается разложение. Оно происходит не сразу, а постепенно. Легкое колебание – и кожа трескается. В ранке поселяется инфекция. Сначала сомневаешься. Затем критикуешь. Затем становишься циничным. Затем перестаешь доверять.

Лакост посмотрела на агента, с которым разговаривал Гамаш. Тот положил трубку и застучал по клавиатуре компьютера, пытаясь делать свою работу. Но коллеги продолжали подначивать его, и Лакост увидела, как агент бросил печатать и повернулся к ним. Улыбнулся. Снова стал одним из них.

Инспектор Лакост взглянула на старшего инспектора Гамаша. Никогда, ни при каких обстоятельствах не могла она представить себе, что предаст его. Но если такое случилось с другими агентами, которые прежде были порядочными людьми, то почему не может случиться и с ней? Вероятно, уже случилось. По мере того как в отделе становилось все больше агентов Франкёра, по мере того как все большее их число бросало вызов Гамашу, считая его слабаком, такие же мысли, возможно, просачивались и в ее голову – болезнь заразна.

Видимо, она начинала сомневаться в нем.

Полгода назад она ни за что не усомнилась бы в его методах поддержания субординации. А теперь вот засомневалась. И в глубине души задавалась вопросом: а вдруг то, что видит она, что видят все они, – это и в самом деле слабость?

– Что бы ни произошло, Изабель, – сказал Гамаш, – ты должна верить себе. Ты меня понимаешь?

Он напряженно смотрел на нее, словно хотел внедрить эти слова не просто ей в голову, а куда-то глубже. В тайное, безопасное место.

Изабель Лакост кивнула.

Гамаш улыбнулся, и напряжение спало.

– Bon⁷. Ты для этого и приходила или есть что-то еще?

Она вспомнила не сразу – лишь после того, как заметила записку в своей руке.

– Несколько минут назад поступил звонок. Я не хотела вас беспокоить. Не уверена, личное это или служебное.

Гамаш надел очки, прочел записку и нахмурился:

– Я тоже не уверен.

Он откинулся на спинку стула. Пиджак распахнулся, и Лакост увидела у него на поясе «глок» в кобуре. К этому зрелищу она никак не могла привыкнуть. Шеф ненавидел оружие.

Евангелие от Матфея, 10: 36.

Это был один из первых уроков, преподанных ей, когда она поступила в отдел. Изабель Лакост все еще видела как наяву старшего инспектора Гамаша, сидевшего на том самом месте, что и сейчас.

«Евангелие от Матфея, глава десять, стих тридцать шесть. „И враги человеку – домашние его“. Никогда не забывайте об этом, агент Лакост».

Ей показалось, он хочет этим сказать, что при расследовании убийства начинать нужно с семьи. Но теперь она знала: за евангельскими словами скрывается нечто большее. Старший инспектор Гамаш носил при себе оружие. В штаб-квартире полиции. В собственном доме.

Гамаш взял записку со стола:

– Не хочешь прокатиться? Мы там будем как раз к ланчу.

Лакост удивилась, но не стала ждать второго приглашения.

– Кто останется за старшего? – спросила она, забирая пальто.

– А кто старший сейчас?

– Конечно вы, patron.

⁷ Хорошо (фр.).

– Очень мило с твоей стороны, но мы оба знаем, что это не так. Надеюсь только, мы не оставили спички в доступном месте.

Когда дверь закрывалась, Гамаш услышал, как агент, с которым он беседовал, говорит другим:

– Каждый звонок – сообщение о новой смерти...

Он вышучивал шефа высоким, детским голоском, выставя его идиотом.

Старший инспектор, улыбаясь, направился по длинному коридору к лифту.

В кабине лифта они следили за сменяющимися цифрами. 15, 14...

Третий пассажир вышел из кабины, и они остались вдвоем.

13, 12, 11...

Лакост сгорала от нетерпения задать тот единственный вопрос, который не предназначался для чужих ушей.

Она посмотрела на шефа – тот следил за цифрами. Стоял в расслабленной позе. Но она достаточно хорошо знала его и заметила новые, более глубокие морщины. Темные круги под глазами.

«Да, – подумала она, – нужно уехать отсюда. Пересечь мост и покинуть этот остров. Оказаться подальше от этого проклятого места».

8... 7... 6...

– Сэр?

– Oui?⁸

Он повернулся к ней, и Лакост снова увидела изнеможение, проявлявшееся на его лице в те мгновения, когда он забывался. И у нее не хватило духа спросить о том, что случилось с Жаном Ги Бовуаром. Прежним заместителем Гамаша. Ее наставником. Протеже Гамаша. И даже больше.

В течение пятнадцати лет Гамаш и Бовуар составляли великолепную команду. Жан Ги Бовуар, который был на двадцать лет моложе старшего инспектора, готовился со временем стать его преемником.

Но несколько месяцев назад, вернувшись после расследования в отдаленном монастыре, инспектор Бовуар внезапно перевелся в отдел старшего суперинтенданта Франкёра.

И начался какой-то кошмар.

Лакост пыталась узнать у Бовуара, что произошло, но инспектор не хотел иметь никаких отношений с людьми из отдела Гамаша, и старший инспектор издал приказ: никто из его отдела не должен иметь никаких дел с Жаном Ги Бовуаром.

Его следовало избегать. Не замечать. Словно он невидимка.

Не только *persona non grata*, но и *persona non existat*⁹.

Изабель Лакост не могла поверить в случившееся. И за прошедшее время так и не сумела поверить.

3... 2...

Именно об этом она и хотела спросить.

Неужели все так и есть?

Может, это такой хитрый ход, способ внедрить Бовуара в лагерь Франкёра, чтобы попытаться выяснить, что замышляет старший суперинтенданта?

Наверняка Гамаш и Бовуар по-прежнему остаются союзниками в опасной игре.

Но шли месяцы, поведение Бовуара становилось все более эксцентричным, а Гамаш вел себя в отношении его все более непримиримо. Пролив между ними превратился в океан. И теперь казалось, что они вообще обитают в разных мирах.

⁸ Да? (*фр.*)

⁹ Нежелательное лицо... несуществующее лицо (*лат.*).

Следуя за Гамашем к его машине, Лакост поняла, почему она не задала свой вопрос. Не потому, что щадила его чувства. Просто она не хотела услышать ответ. Предпочитала верить, что Бовуар хранит преданность Гамашу, у которого есть надежда остановить план, запущенный Франкёром.

– Хочешь за руль? – спросил Гамаш, протягивая ей ключи.

– С удовольствием.

Они проехали по туннелю Виль-Мари, свернули на мост Шамплейна. Гамаш сидел молча, поглядывая на полузамерзшую реку Святого Лаврентия далеко внизу. Когда они добрались до верхней части пролета моста, движение практически остановилось. Лакост, совершенно не боявшаяся высоты, почувствовала легкую тошноту. Одно дело – проехать по мосту, и совсем другое – остановиться в двух футах от низеньких перил. И от высокого падения.

Далеко внизу льдины в холодном потоке наплывали одна на другую. Шуга, как и положено шуге, неторопливо двигалась под мостом.

Старший инспектор Гамаш сделал глубокий вдох, потом выдохнул и беспокойно заерзал на сиденье. Лакост вспомнила, что он боится высоты. Заметила, что его пальцы сжаты в кулаки и он то напрягает, то ослабляет их. Напрягает. Ослабляет.

– По поводу инспектора Бовуара, – услышала она свой голос. Словно спрыгнула с моста в реку.

Гамаш посмотрел на нее так, будто она отвесила ему пощечину. И она поняла, что именно этого и добивалась. Ударить его. Пробить брешь в его защите.

Физически она, конечно, не могла ударить старшего инспектора Гамаша. Только эмоционально. И она нанесла ему удар.

– Да?

Он смотрел на Лакост, но ни интонацией, ни выражением лица не поощрял ее к дальнейшему разговору.

– Вы можете сказать мне, что случилось?

Машина впереди проехала несколько футов и остановилась. Они были почти на вершине пролета. В верхней точке.

– Нет.

Он ответил ей пощечиной на пощечину. И ей стало больно.

Минуто-другую они сидели в неловком молчании. Но Лакост заметила, что шеф больше не сжимает кулаки. Теперь он просто смотрел в окно. И она подумала, что, вероятно, нанесла ему слишком сильный удар.

Потом в его лице что-то переменилось, и Лакост поняла, что он смотрит не в темные воды Святого Лаврентия, а перед собой. Они перевалили через вершину и наконец увидели, чем вызвана пробка. Крайняя правая полоса в том месте, где мост выходил на южный берег, была перекрыта полицейскими машинами и «скорой».

Вверх по склону поднимали укрытое тело, пристегнутое к проволочной корзине. Лакост перекрестилась, скорее по привычке, чем из веры в то, что это имеет какое-то значение для живых или мертвых.

Гамаш не перекрестился. Просто смотрел.

Смерть случилась на южном берегу Монреаля. Не их территория и не их тело. Юрисдикция Квебекской полиции распространялась на весь Квебек, исключая города, где есть собственная полиция. Тем не менее для них оставалось достаточно территории и достаточно трупов. Но тот, что они видели сейчас, принадлежал полиции Монреаля.

К тому же и Гамаш, и Лакост понимали, что сия несчастная душа, вероятно, покончила с собой. Приближение рождественских каникул довело ее до отчаяния.

Проезжая мимо тела, завернутого в одеяла, словно новорожденный, Гамаш подумал, насколько же невыносимой стала для человека жизнь, если он предпочел ей холодные серые воды.

Наконец они вырвались из затора и помчались по шоссе от моста. От мертвого тела. От штаб-квартиры Квебекской полиции. В деревню под названием Три Сосны.

Глава четвертая

Гамаш открыл дверь в книжный магазин, и над ней звякнул маленький колокольчик. Старший инспектор постучал ботинками о порог, надеясь сбить с них хотя бы часть снега.

Когда они уезжали из Монреаля, шел небольшой снежок, редкие хлопья, но, пока они поднимались все выше в горы к югу от города, снегопад усилился. Гамаш услышал приглушенный топот – это Изабель Лакост обивала снег со своей обуви, прежде чем войти следом за ним.

Даже с повязкой на глазах старший инспектор сумел бы описать знакомый ему магазин. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами в твердых и мягких переплетах. Художественная литература, биографии, наука и фантастика. Детективы и религиозные издания. Поэзия и кулинарные книги. Магазин полнился мыслями, чувствами, творчеством и желаниями. Новыми и старыми.

По дощатому полу тут и там были разбросаны потертые восточные коврики, создававшие атмосферу уютной домашней библиотеки в старинном сельском доме.

На двери в магазин «Книги Мирны, старые и новые» висел веселенький веночек, а в углу зала стояла елочка, под которой лежали подарки. В воздухе витал сладковатый запах бальзама.

В центре магазина располагалась чугунная плита, на которой кипел чайник, а по обе стороны плиты стояли кресла.

Здесь ничего не изменилось с того дня, когда Гамаш зашел сюда в первый раз. Вплоть до старомодных чехлов с цветочным рисунком на диване и креслах в эркере. Рядом с одним из просиженных сидений возвышалась стопка книг, а на кофейном столике лежали старые экземпляры «Ньюйоркера» и «Нэшнл джиографик».

«Вот так, наверное, может выглядеть вздох», – подумал Гамаш.

– Bonjour!¹⁰ – громко произнес он и подождал.

В ответ – тишина.

В задней части магазина располагалась лестница, ведущая наверх, в жилище Мирны. Гамаш уже хотел подняться, но тут Лакост заметила записочку у кассового аппарата:

«Вернись через десять минут. Если что-то купите, оставьте деньги. (Рут, это я тебе.)»

Подпись отсутствовала. Какая в ней нужда? Но наверху стояло время – 11:55.

Лакост взглянула на свои часы, а Гамаш повернулся к большим настенным за столом. Почти точно полдень.

Они побродили несколько минут вдоль стеллажей. На полках в равной пропорции стояли книги на английском и французском. Были и новые, однако старые преобладали. Гамаш стал изучать названия и наконец выбрал потрепанную книгу по истории кошек. Он снял тяжелое пальто, налил себе и Лакост чаю в кружки.

– Молоко, сахар? – спросил он.

– Немного того и другого, s'il vous plaît¹¹, – ответила она из другого конца магазина.

Гамаш сел у плиты и открыл выбранную книгу. Лакост уселась в другое кресло и стала прихлебывать чай.

– Думаете завести?

– Кошку? – Он посмотрел на обложку книги. – Non. Это Флоранс и Зора хотят домашнее животное. В особенности после их последнего приезда. Анри их очаровал, и теперь они хотят иметь свою немецкую овчарку.

– В Париже? – развеселилась Лакост.

¹⁰ Добрый день! (фр.)

¹¹ Пожалуйста (фр.).

– Да. По-моему, они не очень понимают, что живут в Париже, – рассмеялся Гамаш, вспоминая внучек. – Рейн-Мари сказала мне вчера вечером, что Даниель и Розлин хотят обзавестись котом.

– Мадам Гамаш в Париже?

– Полетела на Рождество. Я присоединюсь к ним на следующей неделе.

– Наверное, дождаться не можете.

– Oui, – сказал он и вернулся к книге.

«Прячет свои чувства. А по жене как скучает», – подумала Изабель.

Звук открывающейся двери оторвал Гамаша от удивительно увлекательной истории происхождения полосатой кошки. Он поднял голову и увидел Мирну: та вошла через дверь, соединяющую магазин и бистро.

Мирна несла тарелку с супом и сэндвич, но, увидев гостей, остановилась. И ее лицо сразу же расцвело улыбкой не менее яркой, чем ее свитер.

– Арман, я не надеялась, что вы и в самом деле приедете.

Гамаш и Лакост поднялись. Мирна поставила тарелки на стол, обняла обоих.

– Мы помешали вам обедать, – извиняющимся тоном произнес Гамаш.

– Ой, я только на минутку выбежала за едой – думала, вдруг вы перезвоните. – Мирна замолчала и пристально посмотрела на него. – Почему вы приехали? Что-то случилось?

Гамаша удручало то, что его приезд неизменно вызывал тревогу у местных жителей.

– Все нет. Вы оставили послание, и мы откликнулись на него.

Мирна рассмеялась:

– Вот это обслуживание! А позвонить не догадались?

Гамаш посмотрел на Лакост:

– Позвонить. Почему мы не догадались позвонить?

– Я не доверяю телефонам, – ответила Лакост. – Это дьявольские происки.

– Вообще-то, дьявольскими происками я считаю электронную почту, – сказал Гамаш, снова переводя взгляд на Мирну. – Вы дали нам предлог вырваться из города на часок-другой. А я всегда рад возможности приехать в Три Сосны.

– А где инспектор Бовуар? – спросила Мирна, оглядываясь. – Паркует машину?

– Он работает по другому делу, – ответил старший инспектор.

– Понятно, – сказала Мирна после легкой заминки, и Гамаш спросил себя, что именно ей понятно.

– Вам обоим тоже нужно поесть, – спохватилась Мирна. – Не возражаете, если прямо здесь? Более уединенно.

Они изучили меню, и вскоре у Гамаша и Лакост тоже появились special du jour¹², суп и сэндвичи. Наконец все трое уселись в свете эркерного окна – Гамаш и Лакост на диване, а Мирна в большом кресле, которое постоянно сохраняло ее формы и казалось продолжением этой крупной женщины.

Гамаш размешал в борще большую порцию сметаны, наблюдая, как темно-красный цвет переходит в розовый, как перемешиваются кусочки свеклы, капусты и нежной говядины.

– Ваше сообщение было довольно туманным, – сказал он, подняв глаза на сидящую напротив него Мирну.

Изабель решила начать с сэндвича с поджаренным помидором, базиликом и сыром бри.

– Насколько я понял, вы это сделали намеренно, – добавил старший инспектор.

Он знал Мирну вот уже несколько лет – с первого своего приезда в деревеньку Три Сосны, когда здесь произошло убийство. Тогда она была в числе подозреваемых, теперь он считал ее другом.

¹² Специальное блюдо дня (*фр.*).

Иногда что-то меняется к лучшему. А иногда – нет.

Он положил листок желтой бумаги на стол, рядом с корзиночкой для багета.

«Извините, что беспокою, но мне нужна ваша помощь в одном деле. Мирна Ландерс».

Она сообщила и номер своего телефона, однако Гамаш предпочел его не заметить – отчасти чтобы иметь повод исчезнуть из управления, но в первую очередь потому, что Мирна никогда прежде не просила о помощи. Возможно, ничего серьезного не случилось, и тем не менее для нее это было важно. А она была важна для них.

Он ел борщ, а Мирна обдумывала, что сказать.

– Может, ничего и не случилось, – начала она, взглянула ему в глаза и замолчала. А потом призналась: – Я тревожусь.

Гамаш положил ложку и полностью сосредоточился на своем друге.

Мирна посмотрела в окно, и он проследил за ее взглядом. Там, за стеклом, он увидел Три Сосны. В прямом и переносном смысле. Три громадные сосны возвышались над деревней, и Гамаш впервые понял, что они действуют как своего рода лесозащитная полоса, принимая на себя напор снежной волны.

Но все же снег толстым слоем покрывал все вокруг. Не грязный городской снег. Здесь он был чистой белизны, нарушаемой лишь следами ног, лыж и снегоступов.

По льду пруда скользили на коньках несколько взрослых, толкая перед собой лопаты, чтобы расчистить лед для нетерпеливо ждущих детей. Вокруг деревенского луга стояли дома, среди которых не найдешь двух похожих, и Гамаш знал их все. Как снаружи, так и изнутри. По допросам и по вечеринкам.

– Ко мне на прошлой неделе приезжала приятельница, – снова начала Мирна. – Она собиралась приехать вчера и остаться на Рождество. Позвонила накануне вечером, сказала, что будет к ланчу, но так и не появилась.

Мирна говорила спокойно, четко. Идеальный свидетель, по мнению Гамаша. Ничего лишнего. Никаких интерпретаций. Одни факты.

Но ее рука с ложкой чуть подрагивала, отчего капельки борща разбрызгались по столу. А в глазах появилась мольба. Не о помощи. Только о словах успокоения. Она хотела услышать, что делает из мухи слона, беспокоится на пустом месте.

– Значит, прошло около двадцати четырех часов, – сказала Изабель Лакост.

Она положила сэндвич и вся обратилась во внимание.

– Еще не очень много, правда? – спросила Мирна.

– Если речь идет о взрослых, то мы обычно начинаем принимать меры через двое суток, – ответил Гамаш. – Дело открывается, если человек отсутствует больше сорока восьми часов. – В его интонации слышалось «но», и Мирна ждала продолжения. – Но если бы пропал человек, который важен для меня, то я бы начал искать раньше. Вы правильно поступили.

– Может быть, тут ничего и нет.

– Да, – сказал старший инспектор. И хотя он не произнес тех слов, которые она хотела услышать, уже одно его присутствие приободряло ее. – Вы ей, конечно, звонили.

– Вчера я подождала часов до четырех, потом позвонила ей домой. Сотового у нее нет. Попала на автоответчик. Я звонила ей... – Мирна проглотила комок в горле, – много раз. Приблизительно раз в час.

– И до каких пор?

Мирна посмотрела на часы:

– В последний раз в одиннадцать тридцать сегодня утром.

– Она живет одна? – спросил Гамаш.

Он перешел на деловой профессиональный тон. Теперь начиналась работа.

Мирна кивнула в ответ.

– Сколько ей?

– Семьдесят семь.

Последовала пауза подольше – старший инспектор и Лакост размышляли над услышанным. Возможный вывод напрашивался сам собой.

– Вчера вечером я обзвонила больницы – и французские, и английские, – сказала Мирна, угадав направление их мысли. – И еще раз сегодня утром. Но ее там нет.

– Она сама уехала отсюда? – спросил Гамаш. – Не на автобусе? Может быть, кто-то должен был ее отвезти?

– У нее машина, – ответила Мирна.

– И она была одна?

Мирна снова кивнула:

– Что вы об этом думаете?

Гамаш не ответил. Он достал из нагрудного кармана маленький блокнот и авторучку:

– Марка и модель машины вашей приятельницы?

Лакост тоже вытащила блокнот и ручку.

– Не знаю. Маленькая машина. Оранжевого цвета. – Заметив, что ни один из них не записал ее слова, Мирна спросила: – Бесплезная информация?

– Номер вы, конечно, тоже не запомнили? – спросила Лакост без особой надежды. Но вопрос нужно было задать.

Мирна отрицательно покачала головой.

Лакост вытащила свой сотовый.

– Они тут не работают, – сказала Мирна. – Из-за гор.

Лакост это знала, она забыла о другом – о том, что в Квебеке остались еще места, откуда можно позвонить с обычного проводного телефона. Она встала:

– С вашего можно позвонить?

– Разумеется.

Мирна показала на письменный стол и, когда Лакост отошла, вопросительно взглянула на Гамаша.

– Инспектор Лакост звонит в дорожную службу – узнать, не случилось ли поблизости аварий.

– Но я же обзвонила больницы.

Гамаш не ответил, и Мирна поняла. Не каждая жертва аварии попадала в больницу. Они оба посмотрели на Лакост, которая слушала, что ей говорят по телефону, но ничего не записывала.

«Понимает ли Мирна, что это хороший знак?» – подумал Гамаш.

– Нам, конечно, нужно больше информации, – сказал он. – Как зовут вашу приятельницу? Он взял ручку, пододвинул к себе блокнот. Но, не услышав ответа, поднял голову.

Мирна смотрела не на него, а вглубь своего магазина. Может, не слышала вопроса?

– Мирна?

Она взглянула ему в глаза, однако ее рот оставался закрытым. Плотно закрытым.

– Ее имя?

Мирна все еще колебалась, и Гамаш удивленно наклонил голову набок.

Вернулась Изабель Лакост, села и успокаивающе улыбнулась Мирне:

– Вчера никаких серьезных аварий на шоссе между Тремя Соснами и Монреалем не зафиксировано.

Мирна немного успокоилась, но ненадолго. Она снова повернулась к Гамашу, ждущему ответа на заданный вопрос.

– Вы должны мне сказать, – произнес он, глядя на Мирну с любопытством.

– Я знаю.

– Не понимаю, Мирна, – сказал он. – Почему вы не хотите назвать ее имя?

– Может быть, она еще объявится, и я не хочу ставить ее в неловкое положение.

Гамаш, хорошо знавший Мирну, понимал, что она говорит неправду. Он несколько секунд смотрел на нее, потом решил зайти с другой стороны:

– Вы можете описать ее?

Мирна кивнула. Она начала говорить, представляя себе Констанс на том самом месте, где теперь сидел Арман Гамаш. Констанс читала и иногда опускала книгу, чтобы посмотреть в окно. Разговаривала с Мирной. Слушала. Помогала готовить обед наверху. Или попивала виски вместе с Рут перед камином в бистро.

Она видела, как Констанс садится в машину и машет ей. А потом заезжает на холм и пропадает из виду.

«Белая. Франкоязычная. Рост около пяти футов и четырех дюймов. Слегка полноватая, волосы седые, глаза голубые. Возраст 77 лет».

Вот что записала у себя в блокноте Лакост. Вот к чему свелась Констанс.

– А имя? – спросил Гамаш.

Теперь его голос звучал твердо. Гамаш не сводил глаз с Мирны, и она не отвела взгляда.

– Констанс Пино, – сказала она наконец.

– Mercі, – тихо произнес Гамаш.

– Вы называли ее *nom de naissance*?¹³ – спросила Лакост.

Мирна не ответила, и Лакост пояснила, на случай если англоязычная женщина не поняла французского выражения:

– Фамилию, полученную при рождении, или фамилию после замужества?

Но Гамаш видел, что Мирна прекрасно поняла вопрос. Однако ответ смущал ее.

Он видел Мирну, когда она боялась, печалилась, радовалась, раздражалась. Когда была растеряна.

А вот смущенной он ее ни разу не видел. И по ее реакции он понимал, что и для нее такое состояние в новинку.

– Ни то ни другое, – сказала она наконец. – Господи, она меня убьет, если узнает, что я кому-то сообщила.

– Мы вовсе не «кто-то», – заметил Гамаш.

Его слова, хотя и не лишены укоризны, прозвучали тихо и мягко.

– Может быть, лучше подождать еще немного.

– Может быть, – согласился Гамаш.

Он поднялся и подбросил два полена в плиту в центре комнаты, потом принес Мирне кружку с чаем.

– Mercі, – сказала она и взяла кружку двумя руками.

– Инспектор, вы не попробуете позвонить по домашнему еще раз?

– Absolutement¹⁴.

Лакост встала, и Мирна нацарапала номер на клочке бумаги.

Они услышали звук набора номера с другого конца комнаты. Гамаш несколько мгновений смотрел на Лакост, затем повернулся к Мирне и, понизив голос, спросил:

– Так кто же она, если не Констанс Пино?

Мирна выдержала его взгляд. Но теперь они оба знали, что она все же ответит. Сомнений не осталось.

– Пино – та фамилия, под которой я ее знаю, – тихо сказала она. – Констанс пользуется этой фамилией. Девичьей фамилией матери. Однако ее настоящая фамилия, ее *nom de naissance*, – Констанс Уэлле.

¹³ Девичью фамилию (*фр.*).

¹⁴ Безусловно (*фр.*).

Мирна явно ждала от него какой-то реакции, но Арман Гамаш не сумел оправдать ее ожидания.

В другом конце магазина Изабель Лакост слушала гудки. Молчала. А в пустом доме звонил, звонил телефон.

В доме Констанс Уэлле. Констанс Уэлле.

Мирна внимательно смотрела на Гамаша.

Он мог бы спросить. Ему очень хотелось спросить. И он определенно спросил бы, если бы возникла нужда. Но Гамаш хотел выяснить сам. Ему было любопытно узнать, не прячется ли пропавшая женщина где-то в его памяти, а если прячется, то что его память знает о ней.

Фамилия действительно показалась ему знакомой. Но очень туманно, неопределенно. Если мадам Уэлле и жила в его памяти, то на расстоянии нескольких горных хребтов от нынешнего дня. Он обратил свою память в прошлое, быстро пересек пространство.

Свою собственную личную жизнь он рассматривать не стал, сосредоточился на коллективной памяти Квебека. Констанс Уэлле должна быть публичной фигурой. Вернее, была таковой. Знаменитостью. Может быть, даже печально известной знаменитостью. Имя, когда-то бывшее на слуху.

Чем больше он искал, тем сильнее убеждался, что она где-то там, скрывается в какой-то извилине его мозга. Пожилая женщина, которая не хочет открывать свое лицо.

А теперь вот она пропала. Либо по собственной воле, либо по чьему-то умыслу.

Задумавшись, Гамаш поднес руку к виску. Он чувствовал, что приближается, приближается.

Уэлле. Уэлле. Констанс Уэлле.

Потом он сделал вдох и прищурился. Перед его мысленным взором возникла черно-белая фотография. Не семидесятисемилетней женщины, а улыбающейся, машущей рукой девочки.

Он нашел ее.

– Вы знаете, о ком я говорю, – сказала Мирна, увидев свет в его глазах.

Гамаш кивнул.

Но во время поисков он споткнулся о другое воспоминание, гораздо более свежее. Гораздо более тревожное. Он встал и подошел к письменному столу в тот момент, когда Лакост повесила трубку.

– Никаких результатов, шеф, – доложила она.

Он кивнул и взял у нее трубку.

Мирна поднялась:

– Что?

– Так, одна мысль, – сказал Гамаш и набрал номер.

– Марк Бро. – Голос резкий, официальный.

– Марк, говорит Арман Гамаш.

– Арман. – Голос зазвучал приветливо. – Как поживаешь?

– Отлично, спасибо. Послушай, Марк, извини, что беспокою...

– Никакого беспокойства. Чем могу служить?

– Я в Восточных кантонах. Сегодня приблизительно в четверть одиннадцатого мы проехали по мосту Шамплейна... – Гамаш повернулся спиной к Мирне и понизил голос. – И видели, как твои люди поднимали тело на южном берегу.

– Хочешь узнать, кто это?

– Не хочу вторгаться в твою юрисдикцию, но мне нужно знать.

– Сейчас посмотрю.

Гамаш услышал стук клавиш – глава отдела по расследованию убийств Монреальской полиции просматривал последние сведения.

– Есть. Пока мало что известно.

- Женщина?
- Да. Судя по всему, уже дня два. Вскрытие назначено на вторую половину дня.
- Ты подозреваешь убийство?
- Маловероятно. Ее машину нашли наверху. Похоже, она хотела спрыгнуть с моста в воду и промахнулась. Ударилась о берег и скатилась под мост. Там ее и нашли сегодня утром рабочие.
- Имя тебе известно?
- Гамаш приготовился услышать: «Констанс Уэлле».
- Одри Вильнёв.
- Как?
- Тут написано: Одри Вильнёв. Около сорока лет. Муж сообщил о том, что она исчезла два дня назад. Не появилась на работе. Мм...
- Что? – спросил Гамаш.
- Занятно.
- Что занятно?
- Она работала в министерстве транспорта, в дорожном отделе.
- Инспектором? Не могла упасть случайно?
- Постой-ка... – Наступила пауза, пока старший инспектор Бро читал файл. – Нет. Работала старшим клерком. Почти наверняка самоубийство, однако вскрытие может внести коррективы. Прислать тебе, Арман?
- Нет, не надо. Но спасибо. Joyeux Noël¹⁵, Марк.
- Гамаш повесил трубку и повернулся к Мирне Ландерс.
- И что? – спросила она и напряглась в ожидании ответа.
- Сегодня утром из-под моста Шамплейна извлекли тело. Я опасался, что это ваша приятельница, но нет.
- Мирна закрыла глаза. Потом снова открыла:
- Так где же она?

¹⁵ Счастливого Рождества (фр.).

Глава пятая

Возвращаясь в Монреаль, Изабель Лакост и старший инспектор Гамаш застряли в пробке на подъезде к мосту Шамплейна. Шел пятый час, но солнце уже зашло, и казалось, что наступила полночь. Снег перестал, и Гамаш посмотрел в окно со стороны водителя, через шесть полос движения. На то место, где Одри Вильнёв предпочла смерть жизни.

Ее семью уже известили. Арман Гамаш нередко приходил в дома вестником смерти, и с годами тяжесть этой добровольной обязанности не легчала. Смотреть в лицо мертвецам было легче, чем в лицо их близким в тот момент, когда мир для них изменялся навсегда.

Его миссия была сродни убийству, которое совершал он сам. Матери, отцы, жены или мужа отворяли дверь на его стук с верой, что мир не без изъянов, но в принципе довольно приличное место. Пока он не начинал говорить. Он все равно что сталкивал их в пропасть. И наблюдал, как они летят. Как ударяются о дно. А потом он видел их потрясенный взгляд. Они безвозвратно становились другими, а та жизнь, которую знали, уходила навсегда.

И то выражение в их глазах... как будто это он был причиной их горя.

Перед тем как им уходить, Мирна дала Гамашу адрес Констанс.

– Как она выглядела, когда приезжала? – спросил он.

– Как всегда. Некоторое время я ее не видела, но мне показалось, что она ничуть не изменилась.

– Ее что-нибудь беспокоило?

Мирна покачала головой.

– Деньги? Здоровье?

Мирна снова покачала головой:

– Она, как и следует предполагать, человек очень замкнутый. Она почти ничего не рассказывала о своей жизни, но по ее виду я бы не сказала, что она чем-то озабочена. Она радовалась встрече со мной и радовалась будущему приезду на праздники.

– Вы не заметили ничего необычного? Она ни с кем здесь не ссорилась? Никого не обидела?

– Вы подозреваете Рут? – спросила Мирна, и на ее лице промелькнула улыбка.

– Рут я всегда подозреваю.

– Вообще-то говоря, Констанс и Рут поладили. Между ними возникла некая «химия».

– Химия или алхимия? – спросила Лакост, и Мирна улыбнулась.

– Они похожи? – спросил Гамаш.

– Рут и Констанс? Нет, они совершенно разные, но по какой-то причине понравились друг другу.

Гамаш не без удивления взял ее слова на заметку. Старой поэтессе принципиально не нравились все подряд. Она ненавидела всех и каждого, если ей хватало энергии, требующейся для ненависти.

– «Но кто тебя обидел так, / что ран не залечить, / что ты теперь любую / попытку дружбу завязать с тобой / встречаешь, губы сжав?»

– Что-что? – спросил Гамаш, которого этот вопрос застал врасплох.

Мирна улыбнулась:

– Строки из стихотворения Рут. Как-то вечером, вернувшись от нее, Констанс процитировала их мне.

Гамаш кивнул, подумав: дай бог, чтобы, когда они найдут Констанс, ее рану можно было залечить.

Он прошел через магазин к вешалке и взял куртку. У двери он поцеловал Мирну в обе щеки.

Она удержала его на расстоянии вытянутой руки, глядя ему в лицо:

– А у вас? У вас все в порядке?

Гамаш взвесил вопрос и все возможные ответы – от легкомысленного и снисходительного до правдивого. Он знал, что лгать Мирне бесполезно, но и правду ей сказать не мог.

– Я в порядке, – ответил он и увидел ее улыбку.

Она провожала взглядом их машину, пока та не поднялась на холм и не покинула Три Сосны. Констанс уехала тем же путем и не вернулась. Но Мирна знала, что Гамаш вернется и привезет с собой ответ, который ей придется выслушать.

Пробка стала потихоньку рассасываться, и вскоре двое полицейских пересекли реку по мосту Шамплейна и поехали по городу. Инспектор Лакост остановилась перед скромным домом в квартале Пуант-Сен-Шарль.

За окнами домов по всей улице горел свет. Светились рождественские огни, и свежий снег отливала красным, желтым и зеленым цветом.

Только не здесь. Этот дом казался черной дырой среди веселых соседей.

Старший инспектор Гамаш сверился с адресом, который дала ему Мирна. Да, именно здесь и жила Констанс Уэлле. Он предполагал увидеть что-то иное. Больше.

Гамаш оглядел соседние дома. На другой стороне улицы стоял снеговик, распахнув для объятия руки-ветки. Сквозь окно в доме напротив он четко увидел женщину, которая помогала ребенку с домашним заданием. В соседнем доме пожилая пара смотрела телевизор, а на камине у них подмигивала рождественская гирлянда.

Повсюду кипела жизнь. Кроме темного дома Констанс Уэлле.

Часы на приборном щитке показывали начало шестого.

Они вышли из машины. Инспектор Лакост взяла фонарик и повесила на плечо сумку с набором инструментов для работы на месте преступления.

Дорожка к дому мадам Уэлле была не расчищена, снег не потревожен ничьими следами. Полицейские поднялись по ступенькам и остановились на маленьком бетонном крыльце. Облачка их дыхания растворялись в ночном воздухе.

Ветерок обжигал щеки Гамаша, холод заползал в рукава, под шарф на шее. Не обращая внимания на мороз, он огляделся. Снег на оконных карнизах тоже был нетронутым. Инспектор Лакост нажала кнопку звонка.

Они замерли в ожидании.

Немалая часть полицейской работы состояла в ожидании. В ожидании подозреваемых. Результатов вскрытия. Заключение криминалистов. Ответа на заданный вопрос. Или в ожидании у запертой двери.

Гамаш знал, что в этом и состоит одно из великих достоинств Изабель Лакост, – достоинств, не бросающихся в глаза. Она была очень, очень терпеливой.

Все могут изображать кипучую деятельность, но спокойно ждать умеют немногие. Как ждали они теперь. Однако это вовсе не означало, что они ничего не делали. Они ждали и осматривали все вокруг.

Маленький дом был в хорошем состоянии: водосточные желоба сидят, где им положено, окна и карнизы покрашены, краска не отслаивается, не шелушится. Все аккуратно, все на своем месте. На кованых перильцах крыльца висит рождественская гирлянда, только вот лампочки не горят. На передней двери венок.

Лакост посмотрела на шефа, он кивнул. Она открыла наружную дверь и заглянула через стеклянное окошко в прихожую.

Гамаш нередко бывал в подобных домах. Их строили для возвращающихся ветеранов в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Скромные дома в зажиточных районах. Многие

из них потом сносились или достраивались. Но некоторые, вроде этого, остались нетронутыми. Маленькие жемчужины.

– Ничего, шеф.

– Вон, – сказал он.

Спустившись с крыльца, он показал направо, и Лакост шагнула в глубокий снег. Гамаш пошел в другую сторону, отмечая, что снег здесь тоже нетронут. Он погрузился в него почти по колени. Снег набивался ему в ботинки и охлаждал ноги, превращаясь в ледяную воду и увлажняя носки.

Как и Лакост, Гамаш заглядывал в окна, защищая глаза от наружного света ладонями. Пустая и чистая кухня. Никакой грязной посуды на столе. Он пробовал открывать окна – все они оказались заперты. В крохотном дворике он встретил Лакост, пришедшую с другой стороны. Она отрицательно покачала головой, привстала на цыпочки и заглянула в окно. Не отрывая глаз от окна, включила фонарик и осветила внутрь.

Потом повернулась к Гамашу.

Она что-то увидела.

Лакост без слов протянула шефу фонарик. Он осветил внутрь и увидел кровать. Стенной шкаф. Открытый чемодан. И пожилую женщину, лежащую на полу. «И ран не залечить».

Арман Гамаш и Изабель Лакост ждали в небольшой гостиной дома Констанс Уэлле. Внутри, как и снаружи, дом выглядел аккуратным, но не строгим. Здесь лежали журналы и книги. У дивана стояла пара старых тапочек. Гостиная не была парадным местом для особых гостей, Констанс явно пользовалась ею сама. В углу стоял старый телевизор, а лицом к нему – диван и два кресла. Как и все остальное в доме, кресла были добротные, дорогие, хотя и потертые. Комната имела уютный, радушный вид. Бабушка Гамаша назвала бы такую комнату аристократической.

Увидев через окно лежащее на полу тело, Гамаш позвонил Марку Бро и стал вместе с Лакост ждать в машине приезда монреальской команды криминологов. Когда те приехали, началась обычная рутинная работа, правда без помощи старшего инспектора Гамаша и инспектора Лакост. Их отправили в гостиную как лиц, приглашенных на расследование. В такой роли они чувствовали себя необычно, словно прогульщики, и убивали время, бродя по скромной комнате, разглядывая украшения, личные вещи. Но ни к чему не прикасались. Они даже не садились.

Гамаш обратил внимание, что три сиденья выглядели так, будто на них все еще сидели призрачные люди. Как кресло Мирны в ее магазине, эти сиденья сохраняли формы людей, прежде занимавших их каждый день в течение долгих, долгих лет.

Елки в доме не было. И никаких рождественских украшений. Правда, с чего бы им тут быть? Она ведь собиралась на праздник в Три Сосны.

Сквозь задернутые занавески Гамаш увидел свет фар и услышал, как останавливается машина, потом хлопнула дверь и раздался размеренный хруст ботинок по снегу.

В дом вошел Марк Бро и отыскал Гамаша и Лакост в гостиной.

– Не предполагал тебя увидеть, Марк, – сказал Гамаш, пожимая руку главе отдела по расследованию убийств Монреальской полиции.

– Я уже собирался домой, но тут ты сообщил об убийстве, и я подумал, что мне стоит приехать на тот случай, если тебя решат арестовать.

– Как мило с твоей стороны, *mon ami*¹⁶, – улыбнулся Гамаш.

Бро повернулся к Лакост:

– У нас нехватка рук. Праздники. Не поможете моим ребятам?

¹⁶ Мой друг (*фр.*).

Лакост почувствовала, что ее вежливо выпроваживают. Она вышла, и Бро обратил свои умные глаза на Гамаша:

– Ну-ка расскажи мне об этом теле.

– Ее зовут Констанс Уэлле, – сказал Гамаш.

– Та самая женщина, о которой ты днем беспокоился? Принял ее за ту, что покончила с собой?

– Oui. Ее вчера ждали к ланчу. Моя знакомая прождала целый день, надеясь, что та придет. Потом позвонила мне.

– А ты знал покойную?

Гамаш чувствовал себя довольно странно: он еще никогда не участвовал в допросе в качестве допрашиваемого. А иначе это и назвать было нельзя – мягкий, дружеский, но все же допрос.

– Нет, лично я ее не знал.

Марк Бро открыл рот, собираясь задать еще вопрос, но передумал. Несколько секунд он пристально смотрел на Гамаша.

– Ты говоришь, лично не знал. Но откуда-то все же знал? Она что, известная личность? Гамаш видел: пронизательный ум Бро работает, слушает, анализирует.

– Да. Полагаю, ты ее тоже знал. – И после небольшой паузы: – Она Констанс Уэлле, Марк. Он еще раз повторил имя. Если потребуется, он был готов рассказать коллеге, кто она, но хотел, чтобы Марк вспомнил сам.

Он видел, как его приятель роется в памяти – точно так же, как Гамаш в магазине Мирны. Наконец глаза Марка Бро расширились.

Он нашел в памяти имя Констанс Уэлле. Бро повернулся и посмотрел на дверь, потом поднялся и быстро пошел по коридору. В спальню, где лежало тело.

Гамаш не давал о себе знать, но Мирна и не рассчитывала, что он позвонит так скоро. «Отсутствие новостей уже повод для радости», – убеждала она себя. Повторяла эти слова раз за разом.

Она позвонила Кларе и пригласила ее выпить.

– Я хочу поделиться с тобой кое-чем, – сказала Мирна, когда они налили себе виски и расположились у камина на чердаке Мирны.

– Чем же? – спросила Клара, наклоняясь к подруге.

Она знала, что Констанс исчезла, и, как и Мирна, беспокоилась.

– Я о Констанс.

– Что? – Клара подготовилась к плохим новостям.

– О том, кто она на самом деле.

– И кто? – спросила Клара.

Ее страх прошел, сменившись недоумением.

– Она жила под именем Констанс Пино, но Пино – девичья фамилия ее матери. Ее настоящая фамилия – Уэлле. Констанс Уэлле.

– Как?

– Констанс Уэлле.

Мирна посмотрела на подругу. Теперь, после того как она видела реакцию Гамаша, такая пауза была ей понятна. Люди задавали себе два вопроса: кто такая Констанс Уэлле и почему Мирна делает из этого такую историю.

Клара нахмурилась, села поглубже в кресло и закинула ногу на ногу. Пригубила виски, уставилась вдаль.

А потом вздрогнула – ее осенило.

Марк Бро вернулся в гостиную, на этот раз неспешным шагом.

– Я сказал остальным. – Голос его прозвучал почти мечтательно. – Мы обыскали ее спальню. Знаешь, Арман, если бы ты не сказал, кто она, то мы бы и не узнали, по крайней мере пока не пропустили бы ее через систему.

Бро оглядел маленькую гостиную.

– Здесь ничто не говорит о ее принадлежности к семье Уэлле. Ни здесь, ни в спальне. Где-то, наверное, есть документы, фотографии, но пока – ничего.

Они вместе осмотрели гостиную.

Тут были фарфоровые фигурки, книги, компакт-диски, кроссворды, потертые коробочки с головоломками. Свидетельства нынешней жизни, но не прошлой.

– Она последняя? – спросил Бро.

Гамаш кивнул:

– Думаю, да.

В гостиную заглянул коронер и сообщил, что они собираются уезжать и забирают тело, и не хотят ли офицеры посмотреть в последний раз? Бро повернулся к Гамашу, и тот кивнул.

Они вдвоем прошли по узкому коридору в спальню в задней части дома. Там команда криминалистов собирала вещдоки. Когда появился Гамаш, они перестали работать и уставились на него. Изабель Лакост, которая просто наблюдала за их действиями, заметила, как распахнулись их глаза, когда они узнали Гамаша.

Старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. Большинство квебекских копов мечтали работать с ним. За исключением тех, кто теперь работал в отделе старшего инспектора. Лакост обошла вокруг ленты, отгораживающей тело мадам Уэлле, и присоединилась к двум старшим инспекторам у дверей. В маленькой комнате вдруг стало очень тесно.

В спальне, как и в гостиной, обнаружилось немало личных штрихов, включая чемодан, открытый и упакованный, на аккуратно застеленной кровати. Но, как и в гостиной, здесь не оказалось ни одной фотографии.

– Позвольте? – спросил Гамаш у одного из криминалистов, и тот кивнул в ответ.

Старший инспектор опустился на колени рядом с телом Констанс. На ней был халат, застегнутый на все пуговицы, под ним – фланелевая ночная рубашка. Очевидно, ее убили, когда она собирала вещи вечером накануне отъезда в Три Сосны.

Гамаш прикоснулся к ее холодной руке, заглянул в глаза. Они были широко раскрыты. Смотрели. Очень голубые. Очень мертвые. Не удивленные. Не страдающие. Не испуганные.

Пустые. Словно из нее просто ушла жизнь. Как заряд из аккумулятора. Сцена могла бы показаться мирной, если бы не кровь под ее головой и не разбитая лампа, основание которой покрыто кровью.

– Похоже на непреднамеренное, – сказала одна из криминалистов. – Тот, кто это сделал, пришел без оружия. Лампа стояла здесь. – Она показала на прикроватный столик.

Гамаш кивнул. Однако это не значит, что убийство было непреднамеренным. Это значит лишь, что убийца знал, где взять оружие.

Старший инспектор снова посмотрел на женщину, лежащую у его ног, и спросил себя, знал ли убийца, кем она была.

– Ты уверена? – спросила Клара.

– Абсолютно, – ответила Мирна, сдерживая улыбку.

– Почему ты нам не сказала?

– Констанс не хотела, чтобы кто-то знал. Она очень замкнутая.

– Я думала, они все мертвы, – тихо произнесла Клара.

– Надеюсь, что нет.

– Откровенно говоря, худшее время и придумать трудно, – сказал Марк Бро, когда они собрались покинуть дом Уэлле. – Каждое Рождество мужья убивают жен, работники – своих нанимателей. Кто-то совершает самоубийство. А сегодня вот такое. Большая часть моих людей ушла на праздники.

Гамаш кивнул:

– Я через неделю улетаю в Париж. Рейн-Мари уже там.

– А я в пятницу еду в наше шале в Сент-Агате¹⁷. – Бро оценивающе взглянул на коллегу. Они вышли на тротуар, где начали собираться любопытствующие соседи. – Ну в общем... – Марк Бро потер руки в перчатках, чтобы согреться. – Я знаю, Арман, у тебя много своих дел...

Бро знал не только это. И не потому, что старший инспектор Гамаш сообщил ему. Об этом знали все старшие офицеры Квебекской полиции и, вероятно, Канады. Отдел по расследованию убийств Квебекской полиции «реструктурируется». Гамаш, хотя публично и удостаивался высоких похвал, незаметно и профессионально оттеснялся на обочину. Это было уничижительно, но старший инспектор Гамаш продолжал вести себя так, будто ничего не замечал.

– Я буду рад взять это дело.

– Мерсі, – с явным облегчением сказал Бро.

– Воп. – Старший инспектор подал знак Лакост. Пора было уезжать. – Если твои ребята смогут провести опрос и криминалистическую экспертизу, мы заберем дело утром.

Они подошли к машине. Кое-кто из соседей пытался задавать вопросы. Старший инспектор Бро отвечал туманно, но уверенно.

– Мы, конечно, не сможем замолчать ее смерть, – вполголоса сказал он Гамашу. – Но мы не назовем ее настоящего имени. Если пресса будет спрашивать, она – Констанс Пино. – Бро окинул взглядом обеспокоенные лица соседей. – Интересно, они знали, кто она?

– Сомневаюсь, – ответил Гамаш. – Вряд ли она им что-то рассказывала, иначе не стала бы уничтожать все свидетельства того, кто она такая, включая и собственную фамилию.

– Они могли догадаться, – возразил Бро.

Но он так не думал. Кто бы мог догадаться, что их пожилая соседка когда-то была одной из самых больших знаменитостей не только Квебека, или Канады, или даже Северной Америки, но и всего мира?

Лакост завела двигатель и включила обогреватель, чтобы разморозить лобовое стекло. Гамаш и Бро остановились возле машины. Марк Бро не спешил уходить.

– Ну говори уже, – сказал Гамаш.

– Ты собираешься в отставку, Арман?

– Я всего две минуты назад взял у тебя дело, а ты уже спрашиваешь меня об отставке? – рассмеялся Гамаш.

Бро улыбнулся, не сводя глаз с коллеги. Гамаш глубоко вздохнул и подтянул перчатки.

– А ты бы ушел? – спросил он наконец.

– В моем-то возрасте? Пенсия мне обеспечена, да и тебе тоже. Если бы мои боссы возненавидели меня, я бы сразу ушел.

– Если бы твои боссы возненавидели тебя, разве тебе не стало бы интересно почему?

За спиной Бро, на другой стороне улицы, Гамаш заметил снеговика, который воздевал руки, похожие на кости какого-то изуродованного существа. Манил их к себе.

– Уходи в отставку, топ амі, – сказал Бро. – Поезжай в Париж, проведи там каникулы, а потом подай в отставку. Но сначала раскрой мне дело.

¹⁷ Муниципалитет в Квебеке.

Глава шестая

– Куда? – спросила Изабель Лакост.

Гамаш посмотрел на часы на приборном щитке. Почти семь.

– Мне нужно домой – забрать Анри, а потом на несколько минут в управление.

Он мог бы попросить дочь Анни покормить и выгулять Анри, но у нее голова была занята другим.

– А мадам Ландерс? – спросила Лакост, поворачивая к дому шефа в Утремоне.

Гамаш тоже думал об этом.

– Я поеду к ней сегодня и сообщу лично.

– Я с вами, – вызвалась она.

– Мерси, Изабель, но в этом нет необходимости. Я остановлюсь в гостинице у Габри. Старший инспектор Бро обещал прислать все документы. Пожалуйста, загрузи их завтра утром. А я разужаю, что удастся, в Трех Соснах.

Долго они в доме Гамаша не задержались – он лишь собрал нужные вещи для ночевки в Трех Соснах и взял Анри. Скомандовал большой немецкой овчарке запрыгнуть на заднее сиденье, и Анри, наострив уши, с удовольствием выполнил команду. Запрыгнул, а потом, опасаясь, что хозяин передумает, свернулся в такой плотный клубок, что и не расплести.

«Ты меня не видишь. Ты-ы-ы меня-а-а не ви-и-идишь».

Но от возбуждения и после слишком быстрого приема пищи не сдержался на свой привычный манер.

Старший инспектор и Изабель Лакост опустили окна, предпочтя мороз тому, что грозило растворить обивку заднего сиденья.

– И часто он так? – спросила Лакост.

– Говорят, это знак любви, – ответил Гамаш, не глядя на нее. – Комплимент. – Гамаш помолчал, повернув голову к окну. – Большой комплимент.

Изабель Лакост улыбнулась. Она была привычна к подобным «комплиментам» от ее мужа, а теперь и от их маленького сына и нередко спрашивала себя, почему Y-хромосома такая пахучая.

У дверей управления полиции Гамаш надел на Анри ошейник, и втроем они вошли в здание.

– Подождите минутку! – крикнула Лакост человеку, который входил в кабину лифта в конце коридора.

Она быстро пошла туда, Гамаш и Анри последовали за ней, но Лакост неожиданно замедлила шаг. И остановилась.

Человек в лифте нажал кнопку. Потом еще раз. И еще.

Лакост остановилась в фюте от лифта, мысленно приказывая дверям побыстрее закрыться, чтобы они втроем поднялись чуть попозже.

Но старший инспектор Гамаш не промедлил ни секунды. Вместе с Анри он прошел мимо Лакост в кабину, не обращая внимания на человека, который отчаянно давил на кнопку. Двери начали закрываться, но Гамаш придержал их рукой и посмотрел на Лакост:

– Идешь?

Лакост шагнула внутрь, к Арману Гамашу и Анри. И Жану Ги Бовуару.

Гамаш приветствовал своего прежнего заместителя коротким кивком.

Жан Ги Бовуар не ответил на приветствие, он предпочел уставиться перед собой. Если, входя в кабину, Изабель Лакост не верила в такие вещи, как флюиды и эманации, то, выходя из нее, она не испытывала сомнения в их существовании. Инспектора Бовуара трясло, он излучал сильнейшие эмоции.

Но какие? Она следила за меняющимися цифрами – 2... 3... 4... – и пыталась понять, какие волны испускает Жан Ги Бовуар.

Стыда? Смущения? Она знала, что на его месте определенно испытывала бы и то и другое. Но она не была на его месте. И подозревала, что чувства Бовуара низменнее. Грубее. Проще.

Он излучал ярость.

6... 7...

Лакост посмотрела на отражение Бовуара в помятой и поцарапанной двери. Она почти не видела Бовуара, после того как он перевелся в отдел старшего суперинтенданта Франкёра.

Изабель Лакост помнила своего наставника уступчивым, энергичным, временами несдержанным. Гибким рядом с более жесткой фигурой Гамаша. Рациональным рядом с шефом, опирающимся на интуицию. Созерцательность Гамаша Бовуар дополнял действием.

Бовуар любил листы и фломастеры, Гамаш любил мысли и идеи.

Бовуар любил спрашивать, Гамаш любил слушать.

И тем не менее между ними существовала какая-то связь, несмотря на разницу в возрасте. Они занимали естественное, словно определенное самой природой, место в жизни друг друга. И связь эта укрепилась еще больше, когда Бовуар влюбился в Анни, дочь шефа.

Лакост немного удивилась, узнав о любви Бовуара. Анни Гамаш ничуть не походила на бывшую жену инспектора или на одну из красавиц, с которыми он встречался. Моде она предпочитала удобство. Она не была ни красавицей, ни уродиной. Ни стройной, ни толстушкой. Анни Гамаш никогда не была самой привлекательной женщиной на вечеринке. Мужчины никогда не поворачивали голову ей вслед.

Пока она не начинала смеяться. И говорить.

К изумлению Лакост, Жан Ги Бовуар понял что-то об Анни, чего не могли понять другие. Он понял, как прекрасно, как привлекательно счастье.

Анни Гамаш была счастлива, и Бовуар влюбился в нее.

Изабель Лакост восхищалась им за это. Да что говорить, она многим восхищалась в Бовуаре, но в первую очередь его одержимостью в работе и, безусловно, преданностью старшему инспектору Гамашу.

Однако несколько месяцев назад от его преданности не осталось и следа. Хотя, если откровенно, трещинки в их отношениях появились еще раньше.

Лакост перевела взгляд на отражение Гамаша. Старший инспектор казался расслабленным, свободно держал в руке поводок Анри. Она заметила шрам на его седеющем виске.

Все изменилось с того самого дня. Этого не могло быть. Не должно было быть. И Лакост понадобилось какое-то время, чтобы понять, насколько сильно все изменилось.

Она стояла сейчас среди руин, развалин. И в основном среди руин Бовуара. Его чисто выбритое лицо приобрело землистый цвет, осунулось. Он выглядел гораздо старше своих тридцати восьми лет. Он казался не просто уставшим или даже изможденным, а опустошенным. И в этой пустоте он хранил последнее, что у него осталось, – свою ярость.

9... 10...

Прежде у нее еще теплилась надежда, что шеф и инспектор Бовуар просто изображают вражду, но теперь надежда исчезла. Тихой гавани не было. Ни надежды, ни сомнений не осталось.

Жан Ги Бовуар презирал Армана Гамаша.

Без всякого притворства.

Изабель Лакост боялась даже представить, что могло бы случиться, не будь ее сейчас в лифте. Два вооруженных человека. И у одного преимущество (если это можно так назвать) почти безграничной ярости.

Вооруженный человек, которому нечего терять.

Если Жан Ги Бовуар ненавидел Гамаша, то что чувствовал Гамаш?

Она снова взгляделась в отражение шефа в поцарапанной и помятой двери лифта. Он казался абсолютно спокойным.

Анри решил отпустить еще один мощный комплимент (если только такие вещи делаются по решению). Лакост поднесла руку к носу – сработал инстинкт самосохранения.

Пес, не замечавший, как сгустилась атмосфера, крутил головой, позвякивая жетонами на ошейнике. Своими большими карими глазами он посмотрел на человека, стоящего рядом с ним. Не на того, кто держал поводок. На другого.

Знакомого человека.

14... 15.

Лифт остановился, и двери открылись, впуслав внутрь кислород. Изабель подумала, что ей, вероятно, придется сжечь свою одежду.

Гамаш придержал дверь для Лакост, и она поспешила выйти, чтобы не чувствовать этой вони, лишь часть которой была на совести Анри. Но прежде чем Гамаш вышел, Анри повернулся к Бовуару и лизнул его ладонь.

Бовуар отдернул руку, словно ее ошпарило кипятком.

Немецкая овчарка последовала за хозяином из лифта. Двери за ними закрылись. Когда они втроем двинулись к стеклянным дверям, ведущим в отдел по расследованию убийств, Лакост обратила внимание, что правая рука, держащая поводок, слегка дрожит.

Дрожь, хотя и незначительная, была все же заметна.

И Лакост поняла, что Гамаш полностью контролирует Анри, за исключением его кишечника. Он мог бы натянуть поводок, чтобы пес и близко не подошел к Бовуару.

Однако Гамаш поводка не натянул. Он позволил собаке лизнуть руку Жана Ги. Допустил этот маленький поцелуй.

Кабина лифта доехала до верхнего этажа управления, и двери открылись. В коридоре возле лифта стояли два человека.

– Черт возьми, Бовуар, что за вонь? – поморщился один из них.

– Я тут ни при чем.

Бовуар все еще чувствовал влажный и теплый язык Анри на своей руке.

– Ну-ну, – сказал агент и переглянулся с коллегой.

– Иди ты в жопу, – пробормотал Бовуар, протискиваясь между ними.

Старший инспектор Гамаш обвел взглядом свой отдел. Прежде агенты засиживались в этом помещении до ночи, а теперь не осталось никого.

Ему бы хотелось, чтобы тишина свидетельствовала о раскрытии всех убийств. А еще лучше – о том, что никаких убийств не произошло. Ни в чьей душе не возникло черного желания забрать жизнь. Чью-то жизнь, не свою собственную.

Как в случае с Констанс Уэлле. Или с женщиной, чье тело нашли под мостом. Или как могло случиться только что в лифте.

Но Арман Гамаш оставался реалистом и знал, что длинный список убийств будет пополняться и дальше. Уменьшилась лишь его возможность раскрывать их.

Старший суперинтендант Франкёр не встал. Не поднял взгляда. Он не замечал ни Бовуара, ни других рассаживавшихся в его большом кабинете.

Бовуар уже привык к этому. Старший суперинтендант Франкёр был самым важным полицейским в Квебеке и всем своим видом демонстрировал это. Представительный, седоволосый, уверенный, он излучал властность. С таким шутки плохи. Старший суперинтендант Франкёр

общался с премьером, обедал с министром общественной безопасности. Он был на короткой ноге с кардиналом Квебека.

В отличие от Гамаша Франкёр предоставлял своим агентам свободу действия. Его не волновало, каким способом они добиваются результатов. «Просто сделайте это», – говорил он.

Единственным законом, который тут действовал, был сам Франкёр. Единственной линией, которую никто не смел пересекать, была линия, проведенная им вокруг себя. Его власть была абсолютной и непререкаемой.

Работать с Гамашем всегда было слишком сложно. Столько серых зон. Вечные разговоры о том, что правильно, а что нет, словно ответ не очевиден.

Работать со старшим суперинтендантом Франкёром было легко и приятно.

Добропорядочные граждане могут чувствовать себя в безопасности, преступники – нет. Франкёр доверял своим людям: пусть сами решают, кто есть кто и что с ними делать. А если случались ошибки? Его люди блюли интересы друг друга. Защищали друг друга. Покровительствовали друг другу.

В отличие от Гамаша.

Бовуар потерял руки, пытаясь стереть след собачьего языка, подействовавший на него как удар хлыста. Он думал о том, какие слова должен был и мог сказать своему прежнему шефу. Но не сказал.

– Бросай свои дела и отправляйся домой, – сказал Гамаш, стоя у двери кабинета.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы я поехала с вами?

– Уверен. Как я уже говорил, я, вероятно, там останусь. Спасибо, Изабель.

При взгляде на нее он почти всегда вспоминал тот мгновенный образ. Образ Лакост, склонившейся над ним. Взывающей к нему. И ощущение ее рук, обхвативших его голову, когда он лежал на бетонном полу.

Тот страшный груз на груди и шум в голове. И два слова, которые необходимо произнести. Всего два, и он смотрит на Лакост, отчаянно желая, чтобы она его поняла.

«Рейн-Мари».

Это все, что оставалось сказать.

Поначалу, когда он пришел в себя и вспомнил лицо Изабель, так близко склоненное к его лицу, его смутила собственная уязвимость.

Работа Гамаша заключалась в том, чтобы вести их, чтобы защищать их. И он потерпел неудачу. Вместо этого пришлось спасти его самого.

Но теперь, когда он посмотрел на Изабель и перед ним мелькнул тот образ, он понял, что они навечно спаяны тем мгновением. Он чувствовал огромную любовь к ней. И благодарность. За то, что оставалась с ним и слышала произнесенные слабым шепотом слова. Она была тем сосудом, в который он поместил свои последние мысли.

«Рейн-Мари».

Арман Гамаш никогда не забудет того громадного облегчения, которое он испытал, осознав, что она услышала его. И теперь он может умереть.

Но он, конечно, не умер. В немалой степени благодаря Изабель Лакост. Однако в тот день погибло столько его агентов.

Включая и Жана Ги Бовуара. На ту фабрику вошел самоуверенный, дерзкий умник, а вышел кто-то другой.

– Езжай домой, Изабель, – повторил Гамаш.

Суперинтендант продолжал читать какой-то документ, медленно переворачивая страницы.

Бовуар понял, что это отчет о рейде, в котором он участвовал несколькими днями ранее.

– Я вижу, что не все вещдоки дошли до хранилища, – медленно произнес Франкёр своим низким спокойным голосом. Он посмотрел в расширившиеся глаза Бовуара. – Похоже, какие-то наркотики пропали.

Мысли Бовуара заметались, а суперинтендант тем временем вернулся к отчету.

– Но я не думаю, что такая мелочь повлияет на дело, – сказал наконец Франкёр, поворачиваясь к Мартену Тесье. – Удалите это из отчета. – Он подвинул бумагу своему заместителю.

– Да, сэр.

– Через полчаса я обедаю с кардиналом. Его очень беспокоят случаи насилия со стороны байкерских банд. Что мне ему сказать?

– Большое несчастье, что та девочка погибла, – вздохнул Тесье.

Франкёр вперился взглядом в Тесье:

– Не думаю, что стоит говорить ему об этом, верно?

Бовуар знал, о чем идет речь. Весь Квебек знал. Семилетняя девочка погибла вместе с несколькими членами банды «Ангелы ада» при взрыве бомбы в машине. Все газеты и телевизионные каналы сообщали о трагедии.

– До недавнего времени нам прекрасно удавалось сливать информацию соперничающим бандам, а они уж там разбирались друг с другом, – сказал Тесье.

Бовуар начал по достоинству оценивать красоту такой стратегии, хотя поначалу и был потрясен. Пусть преступники убивают друг друга. Квебекской полиции оставалось лишь немного корректировать их действия. Вбросить чуток информации там, чуток здесь. Потом отойти в сторону. А остальные проблемы решали сами соперничающие банды. Легко, безопасно и, самое главное, эффективно. Правда, иногда под удар попадали гражданские, но полиция намекала прессе, что убитый или убитая, возможно, не такая уж и невинная овечка, как заявляет семья.

И это действовало.

Пока не погибла маленькая девочка.

– Что вы собираетесь с этим делать? – спросил Франкёр.

– Как-то прореагировать необходимо. Разгромить одно из их убежищ. Поскольку бомбу, которая убила девочку, подложила группа «Рок-машин», нужно спланировать рейд на их лежбище.

Жан Ги Бовуар опустил голову и стал изучать ковер. Затем свои руки.

«Не я. Не я. Только не я опять».

– Подробности меня не интересуют. – Франкёр встал, и все остальные тоже поднялись. – Просто сделайте это. И чем скорее, тем лучше.

– Да, сэр, – сказал Тесье и последовал за ним к двери.

Бовуар проводил их взглядом и выдохнул. Он в безопасности.

У лифта старший суперинтендант протянул Тесье маленький пузырек.

– Мне кажется, наш последний рекрут немного нервничает, а? – Франкёр вложил пузырек в руку Тесье. – Назначь на рейд Бовуара.

Он вошел в кабину лифта.

Бовуар сидел за своим столом, тупо уставившись в монитор компьютера. Он пытался выбросить из головы эту встречу. Не с Франкёром, а с Гамашем. Он специально планировал свои дни, делал все возможное, чтобы не сталкиваться с Гамашем. И несколько месяцев это работало. Но сегодня произошел сбой. Все его тело стонало от боли. Кроме маленького места на руке. Места, которое все еще ощущало влагу и тепло, как он ни старался стереть их.

Бовуар почувствовал чье-то присутствие рядом и повернул голову.

– Хорошая новость, – сказал инспектор Тесье. – Ты произвел впечатление на Франкёра. Он хочет, чтобы ты участвовал в рейде.

У Бовуара скрутило живот. Он уже принял две таблетки оксикодона, но теперь боль вернулась.

Тесье, наклонившись над столом, поставил пузырек рядом с рукой Бовуара.

– Нам всем время от времени требуется небольшая помощь. – Он постучал по крышке пузырька и, понизив голос, добавил: – Прими штучку. Ничего страшного. Слабенький релаксант. Мы все принимаем. Тебе станет лучше.

Бовуар уставился на пузырек. В голове у него прозвенел предупреждающий звоночек, но он был слишком тихим и к тому же явно запоздал.

Глава седьмая

Арман Гамаш выключил свет, потом они с Анри прошли по коридору к лифту, но поехали не вниз, а вверх. Правда, не на самый верх, а на предпоследний этаж. Гамаш взглянул на часы. Половина девятого. Идеально.

Минуту спустя он постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа.

– Воп, – сказала суперинтендант Брюнель. – Вовремя.

Миниатюрная Тереза Брюнель, как всегда опрятная и ухоженная, поднялась и показала на стул рядом с ее мужем Жеромом, который при виде Гамаша тоже встал. Они обменялись рукопожатием и сели.

Тереза Брюнель уже перешагнула порог пенсионного возраста, установленного для Квебекской полиции, но ни у кого не хватало духа или чего-то еще, чтобы сказать ей об этом. Она поступила в полицию поздно, и ее первым наставником стал Гамаш, однако вскоре она обогнала его. Частично благодаря собственной трудоспособности, а частично – о чем знали все – из-за того, что его карьера наткнулась на стену, возведенную суперинтендантом Франкёром.

Они дружили со времен академии, где она была вдвое старше любого другого ученика, а он преподавал.

Развивайся события естественным путем, он бы уже был суперинтендантом, а она – старшим инспектором. Тереза Брюнель знала это. Знал и Жером. Знал и Гамаш, но его это, казалось, не волновало.

Они уселись на офисном диване и стульях, а Анри растянулся между Гамашем и Жеромом. Старший из них опустил руку и рассеянно погладил овчарку.

Жером, которому давно перевалило за семьдесят, стал почти круглым, как мяч, и, будь он пониже ростом, Анри, вероятно, был бы не прочь его погонять.

Несмотря на разницу в званиях, было ясно, что главный здесь Гамаш, пусть эта встреча происходила и не в его кабинете.

– Какие у вас новости? – спросил он у Терезы.

– Мы почти у цели, Арман, но есть одна проблема.

– Я несколько раз упирался в стены, – пояснил Жером. – Тот, кто это сделал, очень неглуп. Стоит мне высунуть голову из тумана, как я обнаруживаю, что оказался в тупике.

Голос его звучал брюзгливо, однако нрав оставался веселым. Жером наклонился вперед и сцепил руки. Глаза его горели, он с трудом сдерживал улыбку.

Он был вполне доволен собой.

Доктор Брюнель подвизался следователем, но не в Квебекской полиции. До ухода на пенсию он возглавлял службу скорой помощи в больнице Нотр-Дам в Монреале. Его работа состояла в быстром предоставлении медицинской помощи, в сортировке поступающих больных и в диагностике. А потом – в лечении.

Выйдя на пенсию несколько лет назад, он всю свою энергию и опыт отдал решению всевозможных задач и разгадке шифров. Его жена и сам Гамаш не раз обращались к нему, когда следствию требовалась расшифровка кодов. Но дело было не только в том, что доктор на пенсии искал себе занятие. Жером Брюнель от рождения получил этот дар – умение раскрывать тайны. Его разум мгновенно видел и находил связи, на выявление которых у других людей могли уйти часы, или дни, или целая вечность.

Но любимой игрой доктора Брюнеля, его наркотиком были компьютеры. Он заделался настоящим кибернаркоманом, и Гамаш принес ему кибергероин целой упаковкой.

– Я никогда не видел столько уровней защиты, – сказал Жером. – Кто-то очень хотел запрячь это подальше.

– Что именно? – спросил Гамаш.

– Вы просили нас узнать, кто выложил видео той операции на фабрике, – сказала суперинтендант Брюнель. – Операции, которой руководили вы сами.

Гамаш кивнул. То видео снималось крохотными камерами, вмонтированными в шлемы агентов. Они зафиксировали все.

– Разумеется, проводилось расследование, – продолжила суперинтендант Брюнель. – Отдел борьбы с киберпреступностью пришел к заключению, что какой-то хакер случайно нашел исходные файлы, смонтировал их и выложил в Интернет.

– Ерунда, – фыркнул доктор Брюнель. – Хакер ни за что не смог бы найти эти файлы. Они слишком хорошо защищены.

– И что же? – спросил Гамаш у Жерома. – Кто это сделал?

Но они все знали кто. Если не хакер-везунчик, то кто-то из полицейских. Причем достаточно высокопоставленных, чтобы замести следы. Но доктор Брюнель обнаружил след и пошел по нему.

Они все знали, что след приведет в кабинет над ними. На самый высокий уровень Квебекской полиции.

Однако Гамаш давно уже начал задавать себе другой вопрос. Не «кто», а «зачем». Он подозревал, что слитое видео – всего лишь побочные отходы жизнедеятельности гораздо более крупного существа. Они принимали *merde*¹⁸ за истинную угрозу.

Арман Гамаш оглядел друзей. Старший офицер полиции пенсионного возраста. Колобок-доктор. И он сам. Оттесненный на обочину офицер полиции в годах.

Всего трое. А то существо, которое они искали, казалось, увеличивалось в размерах каждый раз, когда им удавалось мельком увидеть его.

Но Гамаш знал, что такой недостаток одновременно является и преимуществом. Их троих легко могли не замечать, игнорировать, в особенности те, кто считал себя невидимым и неуязвимым.

– Мне кажется, мы уже у цели, Арман, но я продолжаю попадать в тупики, – сказал Жером. Он вдруг напустил на себя хитроватый вид.

– Ну-ну, продолжайте.

– Я не уверен, но мне кажется, что я засек наблюдателя.

Гамаш не произнес ни слова. Он знал, что такое наблюдатель в житейском и компьютерном смыслах. Однако он ждал уточнения.

– Если мне это действительно удалось, то должен сказать, что он очень коварен и опытен. Возможно, он уже некоторое время за мной наблюдает.

Гамаш упер локти в колени, сцепил крупные пальцы. Словно боевой корабль, идущий на таран.

– Это Франкёр? – спросил он.

Пришло время называть имена.

– Не он лично, – ответил Жером. – Но вероятно, кто-то из служащих в Квебекской полиции. Я довольно давно занимаюсь такими проблемами, но еще не видел никого столь искусного. Стоит мне остановиться и оглянуться, как он тут же исчезает.

– А откуда вы вообще знаете о его существовании? – спросил Гамаш.

– Точно я не знаю, но есть ощущение – какие-то движения, перемещения.

Брюнель замолчал, и Гамаш впервые увидел озабоченность на лице жизнерадостного доктора. Похоже, доктор Брюнель почувствовал, что, несмотря на все его мастерство, есть кто-то лучше его.

Гамаш откинулся на спинку стула, словно кто-то прошел мимо и толкнул его. «Так что же мы обнаружили?»

¹⁸ Дерьмо (*фр.*).

Не только они охотились за этим существом, но и оно само охотилось за ними.

– Ваш наблюдатель знает, кто вы? – спросил он у Жерома.

– Не думаю.

– Не думаете? – спросил Гамаш; голос его посуровел, глаза впились в собеседника.

– Уверен. – Жером отрицательно покачал головой. – Он не знает.

Пока не знает. Слово «пока» осталось произнесенным, но подразумевалось. Пока не знает.

– Будьте осторожны, Жером, – сказал Гамаш, вставая и подхватывая поводок Анри.

Он попрощался и ушел в ночь.

Огни городков, городков и деревень исчезали в зеркале заднего вида, по мере того как он уезжал все дальше в леса. Еще немного – и его окружила полная темнота, если не считать света фар на заснеженной дороге. Наконец впереди показалось слабое мерцание. Гамаш знал источник этого света. Его машина поднялась на холм, и он увидел в долине три громадные сосны, подсвеченные зелеными, красными и желтыми лампочками – цветами Рождества. Их там были тысячи. Веселые огоньки висели на крылечках, на заборах, на каменном мосту.

Когда машина спустилась с холма, сигнал на его телефоне пропал. Сюда не доходили ни телефонные вызовы, ни эсэмэски. Гамаш и Анри, дремавший на заднем сиденье, словно исчезли с лица земли.

Старший инспектор остановил машину перед магазином «Книги Мирны, старые и новые» и отметил, что свет наверху еще горит. Он так часто приезжал сюда на зов смерти. Но на сей раз он привез смерть с собой.

Глава восьмая

Клара Морроу первая заметила появление машины.

Они с Мирной скромно пообедали подогретой тушенкой и салатом, потом она пошла мыть посуду, но Мирна вскоре присоединилась к ней.

– Ничего, я сама, – сказала Клара, выдавливая жидкость для мытья в горячую воду и разглядывая пену.

Почему-то это всегда ее успокаивало. Клара чувствовала себя волшебницей, или ведьмой, или алхимиком. Возможно, не таким ценным, как те, что умеют превращать свинец в золото, но все же полезным.

Клара Морроу не принадлежала к тем женщинам, которые любят заниматься домашним хозяйством. Она любила волшебство. Превращение воды в пену. Грязной посуды – в чистую. Чистого холста – в произведение искусства.

Она любила не столько изменения, сколько метаморфозы.

– Ты садись, – сказала она, но Мирна взяла кухонное полотенце и потянулась за теплой чистой тарелкой:

– Мне так легче отвлечься.

Они обе понимали, что вытирание посуды – всего лишь хрупкий плотик в бурном море, но если такое занятие могло поддержать Мирну на плаву, то Клара не возражала.

Они работали, находя успокоение в синхронности своих действий.

Клара закончила мытье, спустила воду, протерла раковину и повернулась к мойке спиной. Эта комната не изменилась за все те годы, что Мирна жила здесь, после того как оставила психотерапевтическую практику в Монреале и затолкала в маленькую машину все свои утлые пожитки. Когда она приехала в Три Сосны, вид у нее был такой, будто она сбежала из цирка.

Она вышла из машины, большая чернокожая женщина, явно превосходящая размерами машину. Она заблудилась на проселочных дорогах и нашла неожиданную деревню, где остановилась, чтобы выпить кофе, съесть пирожное и воспользоваться туалетом. Просто остановка на пути в какое-то другое место. Более волнующее, более многообещающее. Но Мирна Ландерс так никуда и не уехала.

За кофе с молоком и печеньем в бистро она поняла, что именно такое место и искала.

Мирна разгрузила машину, сняла в аренду пустое помещение рядом с бистро Оливье и открыла магазин по продаже старых и новых книг. А сама поселилась в комнате на чердаке.

Так Клара и познакомилась с Мирной. Она зашла посмотреть, как там в новом книжном магазине, и услышала наверху стук швабры и брань. Она поднялась по лестнице в конце помещения и увидела на чердаке Мирну.

Та подметала комнату и бранилась.

В тот день они стали друзьями.

Клара наблюдала за тем, как Мирна творит свое волшебство, превращая пустой склад в магазин. Пустое пространство – в место для встреч. Неиспользованный чердак – в дом. Несчастливую жизнь – в привольную.

В Трех Соснах царила стабильность, но жизнь там никогда не была тихой.

Пока Клара обозревала комнату, отмечая рождественские огоньки за окном, ей показалось, что она увидела короткую световую вспышку. Свет автомобильных фар.

Потом она услышала звук двигателя и повернулась к Мирне, чьи уши тоже уловили урчащий звук.

Обе они подумали об одном.

Констанс.

Клара попыталась подавить облегчение, понимая, что оно преждевременно, но радость переполняла ее, не слушая остререгающего голоса рассудка.

Звякнул дверной колокольчик. Внизу раздались шаги. Они слышали, как человек – один человек – идет по магазину.

Мирна схватила Клару за руку и крикнула:

– Кто там?

После паузы они услышали знакомый голос:

– Мирна?

Клара почувствовала, как похолодела рука Мирны. Это не Констанс. Это посланник. Почтальон, приехавший на велосипеде.

Глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Мирна держала кружку в обеих руках, но так и не сделала ни глотка. Цель состояла в том, чтобы греть руки, а не пить.

Она смотрела в окошко плиты, на язычки пламени и пылающие угли. Их свет отражался на ее лице, придавая ему больше жизни, чем в нем было.

Клара расположилась на диване, а Арман – в кресле напротив Мирны. Он тоже держал в своих больших руках кружку. Но смотрел на Мирну, а не на огонь.

Анри, обнюхав чердак, улегся на коврик перед камином.

– Как вы думаете, она страдала? – спросила Мирна, не сводя глаз с огня.

– Нет.

– И вы не знаете, кто это сделал?

Это. Это. Мирна не находила в себе сил вслух обозначить «это».

Когда Констанс так и не появилась после наступления темноты и даже не позвонила, Мирна подготовилась к худшему. К тому, что у Констанс случился инфаркт. Инсульт. Что она попала под машину.

Ничего хуже ей в голову не приходило. Она и подумать не могла, что ее приятельница не просто простилась с жизнью, а что жизнь у нее отобрали.

Гамаш выпрямился в кресле:

– Мы пока не знаем, но непременно найдем преступника.

– Сможете? – спросила Клара, первый раз подавшая голос, после того как Гамаш сообщил им печальное известие. – Ведь она жила в Монреале, а город не в вашей юрисдикции.

– Верно. Однако глава отдела по расследованию убийств Монреальской полиции – мой друг. Он передал дело мне. Вы хорошо знали Констанс? – спросил он Мирну.

Мирна открыла рот, потом посмотрела на Клару.

– Ой, – встрепенулась Клара. – Ты хочешь, чтобы я ушла?

Немного помедлив, Мирна покачала головой:

– Нет. Извини. Сила привычки – никогда не говорить о клиентах.

– Значит, она была вашим клиентом, – сказал Гамаш. Он не стал доставать блокнот, предпочел внимательно слушать. – Не просто приятельницей.

– Сначала была клиентом, потом стала приятельницей.

– Как вы познакомились?

– Она пришла ко мне на сеанс несколько лет назад.

– А конкретнее?

Мирна задумалась.

– Двадцать три года назад. – Ее саму удивила такая цифра. – Я знала ее двадцать три года, – недоуменно проговорила Мирна, потом заставила себя вернуться к реальности. – После того как она перестала приходить ко мне на сеансы, связь между нами сохранилась. Мы порой

обедали вместе, ходили в театр. Не часто, но у нас – у двух одиноких женщин – нашлось много общего. Она мне нравилась.

– Это необычно – подружиться с клиентом? – спросил Гамаш.

– С бывшим клиентом... но да, крайне редко. У меня такой случай единственный. У психотерапевта есть свои четкие границы, даже если речь идет о бывших клиентах. Достаточно того, что головы психотерапевтов заняты чужими проблемами, а если чужие проблемы проникнут и в нашу жизнь, то будет вообще кошмар.

– Однако Констанс стала вашей подругой?

Мирна кивнула:

– Я думаю, мы обе были немного одинокими, и она казалась достаточно здравомыслящим человеком.

– Достаточно? – переспросил Гамаш.

– А кто из нас полностью в своем уме, старший инспектор?

Они посмотрели на Клару, чьи волосы опять стояли торчком – ужасное сочетание воздействия шапки, статического электричества и привычки ерошить волосы.

– Что? – спросила Клара.

Гамаш снова обратился к Мирне:

– Вы встречались с Констанс после вашего переезда в Три Сосны?

– Несколько раз, когда я ездила в Монреаль. Сюда она ни разу не приезжала. Мы поддерживали связь главным образом открытками и телефонными звонками. Но откровенно говоря, в последние годы мы разошлись.

– Тогда что привело ее сюда? – спросил старший инспектор. – Вы ее пригласили?

Мирна задумалась, потом покачала головой:

– Нет, не помню, чтобы я ее приглашала. По-моему, идея принадлежала ей. Хотя, возможно, она намекнула, что хочет приехать, а я ее пригласила.

– У нее была какая-нибудь конкретная причина искать встречи с вами?

И опять Мирна задумалась, прежде чем ответить.

– В октябре у нее умерла сестра. Вы, наверное, слышали...

Гамаш кивнул. Об этом сообщалось в новостях, как будет сообщено и о смерти самой Констанс. Убийство Констанс Пино принадлежало статистике. Убийство Констанс Уэлле – заголовкам новостей.

– После смерти сестры в ее жизни не осталось никого, – сказала Мирна. – Констанс была очень закрытым человеком. В закрытости нет ничего страшного, но у нее замкнутость превратилась в манию.

– Вы можете назвать кого-нибудь из ее друзей?

Мирна отрицательно покачала головой.

– Никого не знаете? – спросил Гамаш.

– Констанс жила без друзей.

– Pardon?

– У Констанс не было друзей, – повторила Мирна.

Гамаш уставился на нее:

– Ни одного?

– Ни одного.

– Ты была ее другом, – возразила Клара. – Да она здесь со всеми подружилась. Даже с Рут. Но, еще не успев закончить предложение, Клара поняла свою ошибку. Она приняла дружеские манеры за дружбу.

Мирна помолчала секунду-другую, прежде чем заговорить:

– Констанс могла производить впечатление, что у вас с ней дружеские и близкие отношения, на самом деле ничего такого не чувствуя.

– Ты хочешь сказать, это все было ложью? – спросила Клара.

– Не совсем. Не хочу, чтобы вы считали ее социопатом или чем-то подобным. Она любила людей, но никого близко к себе не подпускала.

– Даже вас? – спросил Гамаш.

– Даже меня. Большею частью ее жизнь оставалась закрытой для всех.

Клара вспомнила их короткий разговор в ее мастерской, когда Констанс отказалась позировать ей для портрета. Она сделала это не грубо, но твердо. Явно не хотела подпускать Клару к себе.

– О чем вы задумались? – спросил Гамаш, увидев сосредоточенное лицо Мирны.

– О том, что сказала Клара. Она права. Констанс чувствовала себя здесь счастливой. Мне кажется, она со всеми, даже с Рут, нашла общий язык.

– И о чем это вам говорит?

Мирна помедлила.

– Может быть...

Она устремила взгляд за окно, на сосны, освещенные к Рождеству. Лампочки раскачивались на ночном ветру.

– Может быть, она наконец стала открываться, – сказала Мирна, снова повернувшись к гостям. – Я прежде не задумывалась, но она показалась менее настороженной, более откровенной. В особенности когда провела здесь несколько дней.

– Она не позволила мне написать ее портрет, – пробурчала Клара.

Мирна улыбнулась:

– Ну, это как раз ясно, ты же понимаешь. Она и ее сестры больше всего боялись, что их выставят куда-нибудь на витрину.

– Да ведь я тогда не знала, кто она, – возразила Клара.

– Какая разница? Она-то знала, – сказала Мирна. – Но я думаю, что, уезжая, она уже чувствовала себя здесь в безопасности, независимо от того, раскрыта ее тайна или нет.

– А ее тайна была раскрыта? – спросил Гамаш.

– Я никому ничего не говорила, – ответила Мирна.

Гамаш посмотрел на журнал, лежащий на табуретке. Очень старый экземпляр «Лайф» со знаменитой фотографией на обложке.

– Но вы явно знали, кто она, – сказал он Кларе.

– Я сообщила ей сегодня вечером, – объяснила Мирна. – Когда начала понимать, что Констанс, вероятно, не появится.

– И больше никто не знал? – повторил Гамаш.

Он взял журнал и стал разглядывать фотографию. Он и раньше видел ее много раз. Пять маленьких девочек с муфтами, в хорошеньких шубках. Одинаковые шубки. И девочки одинаковые.

– Нет, насколько мне известно, – сказала Мирна.

И опять Гамаш спросил себя, знал ли человек, убивший Констанс, кто она такая, и понимал ли, что убивает последнюю из ее рода. Последнюю из пятерняшек Уэлле.

Глава девятая

Арман вышел в холодную, бодрящую ночь. Снег давно перестал, небо прояснилось. Время перевалило за полночь, и, пока он стоял там, вдыхая морозный воздух, свет на деревьях погас.

Старший инспектор и Анри остались единственными живыми существами в темном мире. Гамаш поднял голову, и на небе медленно появились звезды. Пояс Ориона. Большая Медведица. Полярная звезда. И миллионы, миллионы других. Все такие яркие теперь, и только теперь. Свет, видимый лишь в темноте.

Гамаш размышлял, что ему делать и куда идти. Он мог бы вернуться в Монреаль, но очень устал и с удовольствием остался бы здесь. Однако он не предупредил Габри о том, что хочет снять номер, предпочитая сразу поговорить с Мирной. А сейчас было поздно, и в гостинице не горел свет. Гамаш видел только очертания бывшей почтовой станции на фоне леса.

И вдруг, прямо у него на глазах, в одном из окон второго этажа загорелся свет, приглушенный занавесками. А несколько секунд спустя осветилось еще одно окно, внизу. Потом он заметил свет в окошке входной двери, которая тут же распахнулась. На пороге появился силуэт крупного человека.

– Иди сюда, мальчик, иди, – раздался голос, и Анри потянул Гамаша вперед.

Гамаш отпустил поводок, и пес понесся по тропинке, взбежал по лестнице и уперся лапами в грудь Габри.

Когда подошел Гамаш, Габри едва держался на ногах под натиском четвероногого приятеля.

– Хороший мальчик! – Он обнял старшего инспектора. – Заходите. Я уже задницу отморозил. А у меня для нее найдется другое применение.

– Откуда вы узнали, что мы здесь?

– Мирна позвонила. Сказала, что вам, вероятно, понадобится номер. – Он посмотрел на неожиданного гостя. – Вы ведь хотите остаться?

– Очень хочу, – признался старший инспектор, и это была суцая правда.

Габри закрыл за ними дверь.

Жан Ги Бовуар сидел в машине и глядел на закрытую дверь. Он сидел съежившись. Не то чтобы до полного исчезновения, но достаточно, чтобы производить впечатление человека, старающегося быть незаметным. Это делалось намеренно, и в глубине души, не тронутой туманом, он понимал, что поступает глупо.

Но ему было уже все равно. Он хотел, чтобы Анни посмотрела в окно. Узнала его машину. Увидела его. Открыла дверь.

Он хотел...

Он хотел...

Он хотел снова обнять ее. Вдохнуть ее запах. Хотел, чтобы она прошептала: «Все будет хорошо».

Но больше всего он хотел поверить ее словам.

– Мирна сказала нам, что Констанс исчезла, – сообщил Габри, доставая вешалку. Он взял куртку Гамаша и замер. – Вы приехали из-за нее?

– К сожалению.

Габри помедлил мгновение.

– Она мертва?

Старший инспектор кивнул.

Габри прижал к себе куртку и вперился в Гамаша. Ему хотелось узнать больше, но он не стал задавать вопросы – уж больно усталым выглядел Гамаш. И поэтому Габри повесил куртку и пошел к лестнице.

Гамаш последовал наверх за громадным развевающимся халатом.

Они прошли по коридору и остановились у знакомой двери. Габри щелкнул выключателем, и в номере, где всегда останавливался Гамаш, зажегся свет. В отличие от Габри комната являла собой образец аскетизма. На полу из широких досок лежали восточные коврики. Большая кровать темного дерева, хрустящие белоснежные простыни, теплое одеяло и пуховые подушки манили ко сну.

Уютный номер, не отягощенный никакими излишествами. Простой и приветливый.

– Вы обедали?

– Нет, но до утра дотерплю.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 12:30.

Габри подошел к окну, чуточку приоткрыл его, чтобы впустить холодный, свежий воздух, и задернул занавеску.

– Когда вы собираетесь встать?

– Половина седьмого не слишком рано?

Габри побледнел:

– Все нет. В этот час мы все на ногах. – У двери он остановился. – Вы ведь имеете в виду половину седьмого вечера?

Гамаш поставил сумку на пол рядом с кроватью.

– Merci, patron, – сказал он с улыбкой и проводил Габри взглядом.

Прежде чем начать переодеваться, Гамаш посмотрел на Анри, застывшего у двери.

Старший инспектор остановился посреди комнаты, переводя взгляд с теплой, мягкой кровати на пса и обратно.

– Ах, Анри, надеюсь, ты не только поиграть хочешь.

Он вздохнул и выудил из сумки Анри теннисный мяч и пакетик.

Они тихо спустились по лестнице. Гамаш надел куртку, перчатки, шапку, отпер дверь, и человек с собакой вышли в ночь. Он не стал пристегивать поводок к ошейнику Анри. Опасность, что пес убежит, была нулевая – Гамаш в жизни не видел такой трусливой собаки.

Деревня была полностью погружена в темноту, очертания домов лишь слабо угадывались на фоне леса. Они двинулись к деревенскому лугу. Гамаш удовлетворенно и с безмолвной благодарностью наблюдал, как Анри справляет свои дела, потом собрал в пакетик то, что Анри выложил на снег, и повернулся к псу, чтобы поиграть с ним в мячик.

Но собаки рядом не было. Гамаш сотни и сотни раз выгуливал Анри, и пес неизменно стоял возле хозяина, с нетерпением поглядывая на него. «Я сделал подарок тебе – теперь ты сделай мне». Взаимовыгодный обмен.

Но сейчас Анри непостижимым образом отсутствовал. Исчез.

Гамаш выругал себя за глупость и посмотрел на поводок в своей руке. Может быть, Анри уловил запах оленя или койота и рванул в лес?

– Анри! – позвал старший инспектор. – Иди ко мне, мальчик!

Он засвистел и тут заметил на снегу отпечатки лап. Они шли назад по дороге, но не к гостинице.

Гамаш пригнулся и трусцой побежал по следам. По дороге, через сугроб. По газону перед домом. По нерасчищенной дорожке. Второй раз за день снег начал таять в ботинках старшего инспектора, увлажняя носки. Придется снова сушить, но ему было все равно. Он хотел одного – найти Анри.

Гамаш остановился, увидев темный силуэт с огромными ушами. Пес нетерпеливо смотрел на дверь. Размахивал хвостом. Ждал, когда его впустят.

Сердце Гамаша успокоилось, он сделал глубокий вдох.

– Анри, – громко прошептал он, – viens ici!¹⁹

Овчарка посмотрела в его сторону.

«Прибежал не в тот дом», – подумал, ничуть не удивившись, Гамаш. Сердце у Анри было большое, но мозг очень скромный. Его голову почти целиком занимали уши. Да что говорить, предназначение его головы и состояло в том, чтобы из нее росли уши. К счастью, Анри не особо нуждался в голове. Все важные вещи он хранил в своем сердце. Кроме разве что его нынешнего адреса.

– Иди сюда! – Гамаш поманил его рукой, удивленный тем, что обученный и обычно послушный Анри не отозвался сразу же. – Напугаешь людей до смерти.

Однако, произнося эти слова, старший инспектор уже понимал, что Анри ничуть не ошибся. Он пришел к тому дому, к которому и хотел прийти. Он знал гостиницу, но еще лучше знал этот дом.

Анри вырос здесь. Его спасла и щенком принесла сюда пожилая женщина. Эмили Лонгпре спасла его, дала ему имя, полюбила его. А Анри полюбил ее.

Здесь был – и в известном смысле всегда будет – дом Анри.

Гамаш забыл, что Анри знает Три Сосны лучше, чем он. Знает каждый запах, каждую травинку, каждое дерево, каждого человека.

Старший инспектор посмотрел на отпечатки собачьих лап и своих ботинок в снегу. Газон перед домом замело. Ступеньки на веранду занесены снегом. Дом темен. И пуст.

Гамаш знал: здесь никто не живет и, вероятно, не жил ни дня после смерти Эмили Лонгпре. Именно тогда Арман и Рейн-Мари решили взять щенка себе.

Анри не забыл. А более вероятно, думал Гамаш, поднимаясь по ступенькам, что он знал дом Эмили сердцем. И теперь овчарка ждала, помахивая хвостом, чтобы женщина, давно ушедшая в мир иной, выпустила его, дала вкусенького и сказала, что он хороший мальчик.

– Хороший мальчик, – прошептал Гамаш в огромное ухо, надевая карабин поводка на колечко ошейника.

Но, прежде чем уйти, заглянул в окно.

Он увидел мебель, укрытую простынями. Мебель-призрак.

Потом они с Анри сошли с крыльца. Под звездным куполом они медленно обогнули деревенский луг.

Один из них думал, другой вспоминал.

Тереза Брюнель приподнялась на локте и посмотрела на часы на ночном столике, которые загораживала от нее глыба, лежащая рядом с ней на кровати, – ее муж Жером.

Шел второй час ночи. Она снова легла, прислушалась к ровному дыханию мужа и позавидовала его спокойствию.

Не потому ли он так спокоен, что не отдает себе отчета в серьезности ситуации? Впрочем, он был человек вдумчивый и наверняка все понимал.

А вероятнее всего, Жером полагался на жену и на Армана, которые должны знать, что делать.

Большую часть их супружеской жизни Тереза утешала себя мыслью, что Жером, врач скорой помощи, всегда сможет прийти на помощь. Если она или кто-то из детей подавится. Или расшибет голову. Или станет жертвой несчастного случая. Или инфаркта. Он всех спасет.

Но теперь они, судя по всему, поменялись ролями. Он рассчитывал на нее. А ей не хватало мужества признаться, что она не знает, как действовать дальше. Ее научили работать в

¹⁹ Ко мне (фр.).

ситуациях с ясными целями, определенными заданиями. Раскрыть преступление, арестовать преступника. Но в нынешней ситуации все было туманно. Неопределенно.

Глядя в потолок и слушая тяжелое ритмичное дыхание мужа, суперинтендант Брюнель поняла, что все сводится к двум возможностям. Никто не обнаружил Жерома в киберпространстве. Никто за ним не наблюдает. Это просто мираж.

Или его все же обнаружили. И наблюдают за ним.

Это означало, что кто-то на высших должностях в Квебекской полиции пошел на немалые хлопоты, чтобы блокировать их действия. Хлопот гарантированно больше, чем для размещения печально известного видео, каким бы подлым оно ни было.

Лежа в кровати и глядя в потолок, Тереза пришла к немислимому заключению: а что, если то, что они разыскивали, существовало рядом уже многие годы, росло, строило козни? Запускало долгосрочные планы?

Неужели именно поэтому они наткнулись на препятствие? Неужели Жером, идя по следу похищенного видео, нашел что-то гораздо более крупное, укоренившееся, еще более презренное?

Тереза посмотрела на мужа и увидела, что он тоже не спит и изучает потолок. Она прикоснулась к его руке, и он повернулся на бок, приблизив к ней свое лицо.

Взяв обе ее руки в свои, он прошептал:

– Все будет хорошо, *ma belle*²⁰.

Как бы она хотела поверить ему!

Старший инспектор остановился на дальней стороне деревенского луга. Анри на поводке терпеливо стоял, невзирая на холод, а Гамаш разглядывал темный пустой дом, где Анри провел первые месяцы жизни и куда привел его сегодня.

И в голове у него сформировалась идея.

Минуту спустя Гамаш заметил, что его пес поднимает и опускает передние лапы, чтобы не касаться холодного льда и снега.

– Идем, *mon vieux*²¹, – сказал Гамаш и быстрым шагом двинулся к гостинице.

В спальне старший инспектор обнаружил тарелку, а на ней – толстые сэндвичи с ветчиной, печенье и чашку горячего шоколада. Ему так хотелось поскорее забраться в постель вместе с едой. Но сначала он опустился на колени и принялся отогреть в ладонях лапы Анри. Одну за другой. Потом прошептал ему в ухо:

– Все будет хорошо.

И Анри поверил ему.

²⁰ Моя красавица (*фр.*).

²¹ Старичок (*фр.*).

Глава десятая

На следующее утро ровно в шесть тридцать Гамаш разбудил стук в дверь.

– Merci, patron, – откликнулся он, сбросил с себя одеяло и опасливо прошел по холодной комнате, чтобы закрыть окно.

Приняв душ, Гамаш вместе с Анри спустился по лестнице на запах горячего кофе и бекона, копченного в кленовом соке. В камине плясал и потрескивал огонь.

– Одно яйцо или два, patron? – спросил Габри.

Гамаш заглянул в кухню:

– Два, пожалуйста. Спасибо вам за сэндвичи. – Он поставил тарелку и чашку в раковину. – Они были великолепны.

– Хорошо спали? – спросил Габри, отрываясь от процесса распределения кусочков бекона по сковородке.

– Отлично.

И он не преувеличивал. Впервые за долгое время ему удалось заснуть глубоким, спокойным сном.

– Завтрак будет готов через несколько минут, – сказал Габри.

– Я сейчас вернусь.

У дверей Гамаш столкнулся с Оливье, и они обнялись.

– Я слышал о вашем приезде, – сказал Оливье, пока они оба надевали ботинки.

Выпрямившись, Оливье помедлил.

– Габри сообщил мне о Констанс. Какой ужас. Сердце?

Гамаш не ответил, и Оливье широко распахнул глаза, пытаясь осмыслить ужас того, о чем говорило мрачное лицо старшего инспектора.

– Невозможно, – прошептал он. – Неужели ее убили?

– К несчастью.

– Боже мой. – Оливье покачал головой. – Долбаный город.

– Стеклянные дома, месье? – кротко спросил Гамаш.

Оливье поджал губы и последовал за Гамашем на крыльцо, где старший инспектор пристегнул поводок к ошейнику Анри. Приближалось зимнее солнцестояние – самый короткий день в году. Солнце еще не встало, но деревня уже начинала просыпаться. В окнах домов вокруг деревенского луга стал появляться свет, в воздухе поплыл запах дыма.

Они вместе пошли к бистро – Оливье собирался готовить завтрак для клиентов.

– Что произошло? – спросил Оливье.

– На нее напали в собственном доме. Убили ударом по голове.

Даже в темноте Гамаш заметил, как потрясен его собеседник.

– Почему кому-то понадобилось ее убивать?

«Это-то и есть главный вопрос», – подумал Гамаш.

Иногда таким вопросом было «как», почти всегда – «кто». Но вопрос, возникавший при каждом расследовании, звучал так: «Почему?»

Почему кто-то убил семидесятишестилетнюю женщину? И кого убили – Констанс Пино или Констанс Уэлле? Знал ли убийца, что она – одна из пятерых знаменитых близнецов Уэлле? И не просто одна, а последняя?

Почему ее убили?

– Не знаю, – признался Гамаш.

– Вы ведете это дело?

Гамаш кивнул, его голова покачивалась в такт шагам.

Они остановились перед бистро, и Оливье хотел уже попрощаться с Гамашем, но тот задержал его, прикоснувшись к локтю. Оливье посмотрел на руку в перчатке на своем локте, потом заглянул в темно-карие глаза.

Оливье ждал.

Гамаш опустил руку. Он вовсе не был уверен, что поступает благоразумно. Красивое лицо Оливье порозовело на морозе, дыхание вырывалось изо рта длинными легкими облачками.

Старший инспектор отвел глаза от Оливье и сосредоточился на Анри – пес катался по снегу и молотил лапами в воздухе.

– Не прогуляйтесь со мной?

Оливье слегка удивился и совсем не слегка насторожился. Из своего опыта он знал, что, когда глава отдела по расследованию убийств хочет поговорить с тобой наедине, ничего хорошего ждать не приходится.

Утоптаный снег на дороге хрустел под ногами, пока они размеренным шагом шли вокруг деревенского луга. Высокий плотный мужчина и другой – пониже, помоложе, постройнее. Они шли, чуть наклонив друг к другу головы и разговаривая о чем-то не предназначенном для чужих ушей. Не об убийстве, а о чем-то совершенно ином.

Они остановились перед домом Эмили Лонгпре. Здесь не вился дым из трубы и не горел свет в окнах. Но дом был полон воспоминаний о пожилой женщине, которой восхищался Гамаш и которую любил Анри. Они смотрели на дом, и Гамаш объяснял Оливье, что ему нужно.

– Я вас понял, – сказал Оливье, выслушав просьбу старшего инспектора.

– Спасибо. Пожалуйста, сохраните наш разговор в тайне.

– Конечно.

Они расстались. Оливье пошел открывать свое бистро, а Гамаш и Анри поспешили в гостиницу на завтрак.

На потертом сосновом столе перед камином стояла в ожидании Гамаша большая кружка кофе с молоком. Покормив Анри и дав ему свежей воды, Гамаш сел за стол, отхлебнул кофе и принялся делать записи в блокноте. Анри улегся у его ног, но поднял голову, когда вошел Габри.

– Прошу.

Габри поставил на стол тарелку с яичницей из двух яиц, беконом, поджаренными английскими булочками и свежими фруктами, потом налил себе кофе с молоком и присел к старшему инспектору.

– Только что из бистро звонил Оливье, – начал Габри. – Он сказал, что Констанс убили. Это правда?

Гамаш кивнул, прихлебывая ароматный и крепкий кофе.

– Больше он вам ничего не говорил? – непринужденным тоном спросил Гамаш, не сводя, впрочем, взгляда с Габри.

– Сказал, что ее убили дома.

Гамаш ждал, но Оливье, вероятно, сохранил в тайне остальную часть их разговора, как и обещал.

– Именно так и случилось, – подтвердил Гамаш.

– Но почему? – Габри взял булочку.

«Опять тот же вопрос», – подумал Гамаш. Как и его партнер, Габри спросил не кто, а почему.

Разумеется, Гамаш не знал пока ответа ни на один из этих вопросов.

– Какое у вас сложилось мнение о Констанс?

– Вы же знаете, она пробыла здесь всего несколько дней, – ответил Габри.

Потом задумался над вопросом. Гамаш с нетерпением ждал, что он скажет.

– Поначалу она была приветлива, но сдержанна, – произнес наконец Габри. – Геи ей не нравились, это было очевидно.

– А она вам понравилась?

– Понравилась. Просто некоторые люди почти не сталкиваются в жизни с голубыми, вот в чем их проблема.

– А после того, как она познакомилась с вами и Оливье?

– Ну, она не то чтобы стала гомолюбом, но близко к тому.

– В каком смысле?

Габри посерьезнел:

– Она стала относиться к нам обоим по-матерински. Да и ко всем остальным, я думаю.

Кроме Рут.

– А как она относилась к Рут?

– Сначала Рут даже разговаривать с ней не хотела. Невзлюбила Констанс с первого взгляда. Вы же знаете, Рут гордится тем, что всех ненавидит. Она с Розой держалась в стороне и издалека бормотала ругательства.

– Нормальная реакция Рут, – заметил Гамаш.

– Я рад, что Роза вернулась, – доверительным шепотом сообщил Габри и огляделся с напускной озабоченностью. – Но не кажется ли вам, что она похожа на летучую обезьяну?

– Давайте ближе к теме, Дороти²², – сказал Гамаш.

– Забавно, что поначалу Рут относилась к Констанс не лучше, чем к помету Розы, а потом ни с того ни с сего потеплела к ней.

– Рут?

– Я знаю. Прежде я ничего подобного не видел. Они даже как-то раз обедали в доме у Рут. Вдвоем.

– У Рут? – повторил Гамаш.

Габри намазал джем на булочку и кивнул. Гамаш внимательно посмотрел на него, но Габри, похоже, ничего не скрывал. И старший инспектор понял: Габри не знает, кто такая Констанс. Если бы знал, то уже сказал бы что-нибудь.

– Значит, насколько вам известно, здесь не произошло ничего такого, что объяснило бы ее смерть? – спросил Гамаш.

– Ничего.

Гамаш доел свой завтрак (с помощью Габри), поднялся и позвал Анри.

– Сохранить за вами номер?

– Пожалуйста.

– И для инспектора Бовуара, конечно? Он к вам присоединится?

– Вообще-то, нет. Он работает по другому делу.

Габри немного помолчал, потом кивнул:

– Ага.

Ни один из них не знал, что должно означать это «ага».

Гамаш спросил себя, как долго люди будут смотреть на него, а видеть Бовуара. И как долго он сам будет ждать, что Жан Ги снова окажется рядом. Не так трудно выносить боль, как груз пережитого.

Когда старший инспектор и Анри пришли в бистро, там уже собралась толпа жаждущих позавтракать, хотя слово «толпа» здесь вряд ли уместно. Все вели себя чинно, никто не толкался.

²² Имя героини из книги Ф. Баума «Волшебник страны Оз».

Многие из жителей деревни неторопливо потягивали кофе, устроившись в креслах у каминов с утренними газетами, приходившими из Монреала с опозданием в один день. Некоторые сидели за маленькими круглыми столиками, ели французские тосты, или блинчики, или яичницу с беконом.

Солнце только начинало вставать, и день обещал быть прекрасным.

Когда вошел Гамаш, все головы повернулись к нему. Он был привычен к этому. В деревне, конечно, уже знали про Констанс. Знали, что она пропала, а теперь узнали, что она мертва. Убита.

Он обвел взглядом зал, встречая их взгляды, у кого-то любопытствующие, у кого-то страдающие, у кого-то просто вопросительные, словно он принес с собой мешок ответов на плече.

Гамаш повесил куртку, повернулся и увидел несколько улыбок. Местные узнали его спутника – ушастого пса. Блудного сына. И Анри узнал их, он приветствовал старых знакомых, облизывая им руки, махая хвостом и невоспитанно потягивая носом, пока Гамаш вел его по быстро.

– Сюда!

Гамаш увидел Клару, стоящую рядом с несколькими креслами и диваном. Он помахал ей в ответ и стал пробираться между столиками. По пути к нему присоединился Оливье с кухонным полотенцем на плече и влажной тряпкой в руке. Пока старший инспектор здоровался с Klarой, Мирной и Рут, Оливье протирает столик.

– Не возражаете, если Анри побудет со мной? Или отвести его в гостиницу? – спросил Гамаш.

Оливье посмотрел на Розу. Утка сидела в кресле у камина на «Монреаль газетт», а на подлокотнике висела еще не читанная «Пресс».

– Я думаю, ничего страшного, – ответил Оливье.

Рут хлопнула по сиденью дивана рядом с собой, что могло быть истолковано только как приглашение. Равносильное получению персонального коктейля Молотова.

Гамаш сел.

– Ну, где Бовуар?

Старший инспектор забыл, что наперекор всему и самой природе между Жаном Ги и Рут завязалось что-то вроде дружбы. Ну или по меньшей мере понимания.

– Он занят на другом расследовании.

Рут вперила в него глазами, но Гамаш стойко выдержал ее взгляд.

– Наконец-то понял, что ты собой представляешь?

Гамаш улыбнулся:

– Вероятно.

– А твоя дочка? Он все еще влюблен в нее или на это тоже забил?

Гамаш продолжал смотреть в ее холодные старческие глаза.

– Я рад, что Роза вернулась, – сказал он наконец. – Выглядит она неплохо.

Рут перевела взгляд с Гамаша на утку, потом снова на Гамаша. И сделала нечто такое, чего он от нее никак не ожидал. Она смиловилась.

– Спасибо, – сказала Рут.

Арман глубоко вздохнул. В быстро пахло свежей сосной и дровяным дымком с ароматом мятной палочки. На каминной полке висел венок, в углу стояла елочка, украшенная вразнобой рождественскими игрушками и конфетами.

Он повернулся к Мирне:

– Как вы себя чувствуете сегодня?

– Ужасно, – ответила она, слабо улыбнувшись.

Судя по виду, она почти не спала ночью.

Клара взяла подругу за руку.

– Инспектор Лакост сегодня утром получит всю информацию, собранную Монреальской полицией, – сказал Гамаш. – Я поеду в город, и мы опросим свидетелей. Главный вопрос вот в чем: знал ли убийца, кто она на самом деле?

– Вы хотите сказать, было ли это случайное убийство, или целью была Констанс? – спросил Оливье.

– Это вечный вопрос, – кивнул Гамаш.

– Вы думаете, что хотели убить именно ее? – спросила Клара. – Или это случилось по ошибке? Ограбление, которое пошло не по сценарию?

– Был ли это *mens rea*, виновный разум, или убийство произошло случайно? – подытожил Гамаш. – Это мы и должны выяснить.

– Постойте, – сказал Габри, который присоединился к ним некоторое время назад, но хранил необычное для него молчание. – На что вы намекали, когда говорили «кто она на самом деле»? Не просто «кто она», а «кто она на самом деле». Что вы имели в виду? – Габри перевел взгляд с Гамаша на Мирну и снова на Гамаша. – Кем она была?

Старший инспектор подался вперед, собираясь ответить, потом посмотрел на Мирну, молча сидевшую в своем кресле. Он кивнул. Мирна не одно десятилетие хранила тайну. Кому, как не ей, принадлежало право ее раскрыть.

Мирна открыла рот, но тут раздался ворчливый голос:

– Она была Констанс Уэлле. Тупица.

Глава одиннадцатая

– Констанс Уэлле Тупица? – спросил Габри.

Рут и Роза уставились на него.

– Фак-фак-фак, – пробормотала утка.

– Она – Констанс Уэлле, – пояснила Рут ледяным тоном. – А тупица – ты.

– Ты знала? – спросила Мирна у старой поэтессы.

Рут посадила Розу к себе на колени и принялась гладить, как котенка. Роза выпрямила шею, потянулась клювом к Рут, удобно устроилась в гнезде старого тела.

– Не сразу. Я думала, что она просто занудная старая жопа. Вроде тебя.

– Постой, – сказал Габри, помахав своей большой рукой перед лицом, словно чтобы рассеять недоумение. – Констанс Пино была Констанс Уэлле?

Он посмотрел на Оливье.

– Ты знал?

Но лицо его партнера ясно говорило, что он удивлен не меньше.

Габри оглядел собравшихся и наконец остановил взгляд на Гамаше:

– Мы говорим об одном и том же? О пятерняшках Уэлле?

– *C'est ça*²³, – ответил старший инспектор.

– О пятерняшках? – повторил Габри, все еще неспособный осознать это полностью.

– Именно, – заверил его Гамаш.

Но ответ старшего инспектора лишь усилил недоумение Габри.

– Я думал, они уже умерли, – сказал он.

– Почему все вокруг говорят об этом? – удивилась Мирна.

– Ну, это ведь было так давно. В стародавние времена.

Наступило молчание. Габри точно выразил общее мнение. Удивляло не столько то, что одна из Уэлле умерла, сколько то, что кто-то из них все еще оставался в живых. И даже общался с ними.

Пятерняшки были легендой Квебека. Канады. Всего мира. Они были феноменом. Чуть ли не цирковыми уродцами. Пять маленьких девочек, совершенно одинаковых. Они родились в худшие годы Великой депрессии. Были зачаты без помощи каких-либо таблеток, усиливающих репродуктивную функцию. Не в пробирке, а в естественных условиях. Единственная из известных пятерня, в которой все младенцы выжили. И последняя из них дожила до семидесяти семи лет. До вчерашнего дня.

– Кроме Констанс, никого из них не осталось, – сказала Мирна. – Ее сестра Маргерит умерла в октябре от инсульта.

– Была ли Констанс замужем? – спросил Оливье. – Фамилия Пино – от мужа?

– Нет, никто из них так и не вышел замуж, – ответила Мирна. – Они жили под девичьей фамилией матери – Пино.

– Почему? – спросил Габри.

– А как по-твоему, ослина? – фыркнула Рут. – Не все же хотят быть в центре внимания.

– Откуда же ты узнала, кто она такая? – спросил Габри.

Ко всеобщему удивлению, Рут ответила молчанием. Все ждали от нее какой-нибудь грубости, а она плотно сжала губы.

Но наконец соизволила ответить:

– Она сама мне сказала. Но мы с ней на эту тему не говорили.

²³ Да (*фр.*).

– Да брось ты, – возразила Мирна. – Она сказала тебе, что она одна из пятерняшек Уэлле, а ты не задала ей ни одного вопроса?

– Можете мне не верить, – проворчала Рут, – но, увы, это правда.

– Правда? Да ты бы не узнала правду, даже если бы она укусила тебя за твое «увы»! – сказал Габри.

Проигнорировав его, Рут вперилась взглядом в Гамаша, который внимательно глядел на нее.

– Ее убили, потому что она была одной из пятерняшек Уэлле? – спросила она.

– А вы как считаете? – ответил вопросом Гамаш.

– Не могу понять зачем, – признала Рут. – И все же...

«И все же, – подумал Гамаш, вставая. – И все же. Какой еще мог быть повод для убийства?»

Он посмотрел на часы. Почти девять. Пора ехать. Старший инспектор извинился и пошел позвонить из бара, вовремя вспомнив, что его сотовый здесь не работает и электронная почта сюда не доходит. Он представил себе, как сообщения мелькают в небесах над деревней, не в силах опуститься. Ждут, когда, уезжая из Трех Сосен, он поднимется на холм, и тут же обрушатся на него, как пикирующие бомбардировщики.

Но пока он оставался здесь, ни одно сообщение не могло до него добраться. Арман Гамаш подозревал, что этим отчасти объясняется его крепкий здоровый сон. И что именно поэтому Констанс Уэлле сумела здесь расслабиться.

В Трех Соснах она чувствовала себя в безопасности. Здесь ее ничто не могло достать. И только уехав, она нашла свою смерть.

Или...

Он слушал гудки в трубке, а его мысли обгоняли друг друга.

Или...

Ее убили не тогда, когда она уехала отсюда, понял Гамаш. Констанс Уэлле убили, когда она собиралась вернуться в Три Сосны.

– Bonjour, patron, – раздался в трубке бодрый голос инспектора Лакост.

– Как ты догадалась, что звоню я? – спросил он.

– Идентификатор выдал слово «быстро». Это наше кодовое слово для вас.

Он задумался на секунду, прикидывая, правда ли это, но тут она рассмеялась:

– Вы все еще в Трех Соснах?

– Да, собираюсь уезжать. Какие у тебя новости?

– У нас есть результаты вскрытия и криминалистическая экспертиза из Монреальской полиции, а я сейчас читаю протоколы опроса соседей. Уже отправила вам.

«Витают где-то надо мной в облаках», – подумал Гамаш.

– Что-нибудь важное?

– Пока ничего. Похоже, соседи не знали, кто она.

– А теперь знают?

– Мы им не говорили. Нужно как можно дольше придерживать эту информацию. Пресса пустится во все тяжкие, когда узнает, что последняя из пятерняшек убита.

– Я бы хотел еще раз осмотреть место преступления. Ты сможешь подъехать к дому Уэлле через полтора часа?

– D'accord²⁴, – сказала Лакост.

Гамаш посмотрел в зеркало за баром. Увидел в нем свое отражение, а за спиной у себя – быстро с рождественскими украшениями и окном, выходящим на заснеженную деревню. Солнце уже вошло и повисло над верхушками деревьев, а небо голубело самой бледной зим-

²⁴ Договорились (фр.).

ней голубизной. Большинство посетителей быстро вернулись к своим разговорам, возбужденные, взбудораженные известием о том, что своими глазами видели одну из пятерняшек Уэлле. Гамаш чувствовал, как флюиды их эмоций гуляют по залу. Сенсационное открытие взволновало их. Потом они вспоминали, что Констанс мертва. Потом возвращались к феномену пятерняшек. Потом говорили об убийстве. Это было похоже на атомы, мечущиеся между полюсами, не в состоянии обрести неподвижность в каком-либо из мест.

У камина друзья выражали сочувствие Мирне. И все же... Пока он глядел в зеркало, у него возникло ощущение какого-то движения. Кто-то посмотрел на него и быстро опустил взгляд.

Но одна пара глаз постоянно следила за ним. Не мигая, не уставая.

Глаза Анри.

Пес невозмутимо сидел на полу, не замечая шума вокруг. Он смотрел на Гамаша. Смотрел как загипнотизированный. Ждал. Он мог ждать вечно, абсолютно уверенный в том, что Гамаш о нем не забудет.

Гамаш поймал взгляд овчарки и улыбнулся ему в зеркало. Анри замахал хвостом, причем его тело оставалось совершенно неподвижным.

– Что теперь, patron? – спросил Оливье, зайдя за стойку бара в тот момент, когда Гамаш повесил трубку.

– Теперь я еду в Монреаль. Дела ждут.

Оливье снял трубку:

– И у меня тоже дела. Удачи, старший инспектор.

– Удачи и вам, mon vieux.

Старший инспектор Гамаш встретился с Изабель Лакост перед домом Констанс, и внутрь они вошли вместе.

– А где Анри? – спросила она, включив свет в доме.

День стоял солнечный, но в комнате царил сумрак, словно все краски ушли из него.

– Оставил его в Трех Соснах с Кларой. Оба, кажется, были абсолютно счастливы.

Он пообещал Анри, что вернется, и пес ему поверил.

Гамаш и Лакост сели за кухонный стол и стали просматривать протоколы опросов соседей и данные криминалистической экспертизы. Монреальская полиция провела большую работу, сняла показания и отпечатки пальцев, отобрала образцы.

– Как я вижу, здесь только ее отпечатки, – сказал Гамаш, не отрывая глаз от отчета. – Никаких признаков насильственного проникновения, и дверь не была заперта, когда мы появились.

– Это ничего не значит, – возразила Лакост. – Будете обходить соседей – увидите, что большинство из них не запирают дверей, пока находятся дома. Район старый, обжитой. Преступность нулевая. Семьи живут здесь годами. В некоторых случаях – поколениями.

Гамаш кивнул, хотя и подозревал, что Констанс Уэлле запирала свои двери. Личную жизнь она хранила как зеницу ока и не хотела, чтобы кто-нибудь из доброхотов-соседей вторгался в нее.

– Коронер подтверждает, что ее убили до полуночи, – сказал он. – Когда мы ее нашли, она была мертва уже тридцать шесть часов.

– И вот вам объяснение, почему никто ничего не видел, – подхватила Лакост. – В такую темень и мороз все спали дома, или смотрели телевизор, или заворачивали рождественские подарки. А потом целый день шел снег, и все следы, которые еще оставались, замело.

– Как он вошел? – спросил Гамаш, подняв голову и встретившись взглядом с Лакост.

Старомодная кухня, казалось, ждала, чтобы кто-нибудь из них приготовил чай или съел печенье из вазочки. Гостеприимная кухня.

– Ну, когда мы приехали, дверь оказалась открытой, значит либо она ее не заперла и убийца вошел без всяких проблем, либо дверь была заперта, он позвонил и она егопустила.

– Потом он ее убил и ушел, – сказал Гамаш. – А дверь осталась незапертой.

Лакост кивнула. Гамаш откинулся на спинку стула и покачал головой:

– Констанс Уэлле не стала бы его впускать. Мирна говорит о почти патологической замкнутости Констанс, и отчет, – он постучал пальцем по бумагам, – подтверждает это. Когда ты в последний раз видела дом, в котором обнаруживается только один комплект отпечатков пальцев? Никто сюда не приходил. По крайней мере, никого не приглашали.

– Значит, дверь была не заперта, и он вошел.

– Но незапертая дверь противоречит природе Констанс, – возразил старший инспектор. – И, скажем так, ей пришлось выработать привычку не запираить дверь, как и все соседи. Приближалась ночь, и она собиралась лечь спать. А на ночь она наверняка запирала дверь, верно?

Лакост кивнула. Либо Констанспустила убийцу, либо он вошел сам.

Обе гипотезы казались маловероятными, но одна из них отвечала действительности.

Гамаш вернулся к чтению отчетов, а инспектор Лакост внимательно обыскала дом, начав с подвала. Он слышал, как она внизу передвигает что-то. Кроме этих звуков, раздавалось лишь тиканье часов над раковиной, отмерявших уходящие мгновения.

Наконец он положил отчеты и снял очки.

Соседи ничего не видели. Старейшая из них, на чьих глазах прошла вся жизнь Констанс с момента ее переезда, вспомнила время, когда сюда приехали три сестры – тридцать пять лет назад.

Констанс, Маргерит и Жозефин.

Насколько она знала, Маргерит была старшей, хотя первой умерла Жозефин. Пять лет назад. От рака.

Сестры были людьми приветливыми, но замкнутыми. Никого к себе не впускали, однако всегда покупали коробки с апельсинами, грейпфрутами и рождественскими шоколадками у детей, которые обходили дома, собирая пожертвования. Останавливались поболтать в теплые летние деньки, когда работали в саду.

Они были приветливыми, но ненавязчивыми. И по отношению к себе навязчивости не допускали.

«Идеальные соседи», – сказала женщина.

Ее дом стоял рядом, и она как-то раз пила лимонад с Маргерит. Они сидели на крылечке и смотрели, как Констанс моет машину. Они подбадривали ее, шутливо подсказывали, где остались грязные места.

Гамаш представил это. Почувствовал вкус лимонада, запах холодной воды из шланга, падающей на горячий асфальт. Удивительно, как же эта пожилая соседка не поняла, что разговаривает с одной из пятерняшек Уэлле.

Но он знал ответ.

Пятерняшки существовали только на черно-белых фотографиях и в старых киножурналах. Они жили в идеальных маленьких замках и носили платьица с невероятным числом оборонок. И появлялись впятером.

Не втроем. Не в одиночку.

Пять девочек, навсегда оставшихся детьми.

Пятерняшки Уэлле никогда не существовали в реальном мире. Они не старились и не умирали. И уж конечно не пили лимонад в квартале Пуант-Сен-Шарль.

Вот почему никто их не узнавал.

Их анонимности способствовало и то, что они не хотели быть узнаваемыми. Как сказала Рут, не все хотят быть в центре внимания.

«Но, увы, это правда», – сказала Рут.

«Увы», – подумал старший инспектор Гамаш. Он вышел из кухни и начал собственные поиски.

Клара Морроу поставила на пол миску со свежей водой, но Анри был слишком возбужден и даже не заметил этого. Он обежал дом, принохиваясь. Клара наблюдала за ним, и ее сердце радовалось и печалилось. Не так давно ей пришлось усыпить собственного золотистого ретривера Люси. С ней и Люси к ветеринару ездили Мирна и Габри, однако Клара остро чувствовала собственное одиночество. В доме без Питера.

Она прикидывала, не позвонить ли ему, не сказать ли о Люси, но потом поняла, что просто придумывает предлог для общения. Они договорились, что расстанутся на год, а со времени его отъезда прошло только шесть месяцев.

Клара поплелась за Анри в мастерскую, где пес нашел засохшую банановую кожуру. Она отобрала у него кожуру и остановилась перед своей последней работой – пока лишь черновым наброском.

Призрак на полотне был ее мужем.

Иногда по утрам, иногда вечерами она приходила сюда и говорила с ним. Рассказывала, как прожила день. Иногда даже, приготовив обед, она приходила сюда, зажигала свечку и ела перед этим воображаемым Питером. Ела и болтала с ним, рассказывала о том, что случилось сегодня. О мелочах, которые могли быть интересны только хорошему другу. И о громких событиях. Таких, как убийство Констанс Уэлле.

Клара писала Питера и говорила с ним. Добавляла мазок здесь, точку там. Муж, созданный ее собственными руками. Муж, который слышал. И не оставался равнодушным.

Анри все еще принохивался и шастал по мастерской. Одну банановую кожуру он нашел, почему бы здесь не обнаружить еще одной? На минуту отложив кисть, Клара поняла, что он ищет не кожуру. Анри искал Армана.

Она полезла в карман за угощением, оставленным Арманом, наклонилась и позвала пса. Анри прекратил свои поиски и посмотрел на нее, его уши-антенны повернулись на голос, уловили любимый канал под названием «Вкусняшки».

Он подошел, сел и аккуратно взял с ее руки печенье в форме косточки.

– Все хорошо, – сказала Клара, прижимаясь лбом к собачьему лбу. – Он вернется.

И снова обратилась к портрету.

– Я просила Констанс позировать мне, – сообщила она влажной краске. – Но она отказалась. Сама даже не знаю, почему ее попросила. Ты прав: я лучший художник Канады, а может быть, и мира, так что она должна была бы обрадоваться.

Почему бы и не преувеличить – этот Питер не станет закатывать глаза.

Клара отошла на шаг от полотна и взяла кисточку в рот, размазав по щеке темно-коричневую краску.

– Вчера я ночевала у Мирны.

Она рассказала Питеру, как закуталась в одеяло, положила на колени старый номер «Лайфа» и стала разглядывать обложку. Пока она смотрела, образ девочек менялся от очаровашек до существ таинственных и смутно беспокоящих.

– Они все были одинаковые, Питер. Своим выражением, настроением. Не просто похожие, а совершенно идентичные.

Клара Морроу, художник-портретист, искала в этих лицах черты индивидуальности. И не находила. Потом она откинулась на подушку и стала вспоминать пожилую женщину, с которой недавно познакомилась. Клара не многих людей просила позировать ей. Такая работа забирала у нее слишком много энергии, чтобы заниматься ею из прихоти. Но она явно из прихоти предложила Констанс написать ее портрет. И получила твердый отказ.

Разговаривая с Питером, она, в общем-то, не преувеличивала. Клара Морроу стала знаменитостью благодаря своим портретам. Это по меньшей мере удивило ее. И уж точно удивило ее мужа-художника.

Она вспомнила слова Джона Сингера Сарджента²⁵: «Каждый раз, когда я рисую новый портрет, я теряю друга».

Клара потеряла мужа. Не потому, что написала его, а потому, что превзошла в искусстве. Иногда, темными зимними ночами, она жалела, что рассталась с такими своими проектами, как «Гигантские ноги» и «Воинственные матки».

– Но из нашего дома тебя изгнали не мои картины, правда? – спросила она у полотна. – А твои демоны. Они в конце концов настигли тебя.

Клара внимательно посмотрела на набросок.

– Как это, наверно, было больно, – тихо сказала она. – Где ты теперь, Питер? Ты перестал убегать? Ты уже понял, что сожрало твое счастье, твое творчество, здравый смысл? Твою любовь?

Это существо сожрало его любовь, но не любовь Клары.

Анри устроился на потертом коврик у ног Клары. Она взяла кисточку и подошла к холсту.

– Он вернется, – прошептала она, быть может обращаясь к Анри.

Старший инспектор Гамаш открывал ящики, шкафы, буфеты, обследуя содержимое дома Констанс Уэлле. В шкафу в передней он нашел пальто, небольшую коллекцию шляп и пару перчаток.

Никакого тайного хранилища.

Он осмотрел книжные полки, каминную полку. Вставал на четвереньки и заглядывал под мебель. По отчету, составленному Монреальской полицией, Констанс Уэлле не была ограблена. Ее сумочка, деньги – все осталось на месте. Машина стояла на дороге. На обоях не было темных пятен, какие остаются, если снять висевшую на стене картину, не было и пустых мест в старинном шкафу, где могла бы прежде храниться дорогая антикварная вещица.

Убийца ничего не взял.

Но Гамаш продолжал искать.

Он знал, что по этой территории уже прошла Монреальская полиция, но он искал кое-что другое. Первоначальный обыск проводился, чтобы обнаружить улики, связанные с убийцей. Окровавленная перчатка, лишний ключ, записка с угрозой. Отпечаток пальца, след подошвы. Свидетельства ограбления.

А Гамаш искал какие-то вещи, которые поведали бы о ее жизни.

– Ничего, шеф, – сказала Лакост, отряхивая руки от подвальной пыли. – Похоже, они не отличались сентиментальностью. Ни детской одежды, ни старых игрушек, ни санок, ни снегоступов.

– Снегоступов? – удивленно спросил Гамаш.

– Подвал в доме моих родителей забит всякими подобными штуками, – объяснила Лакост. – А после их смерти мой подвал превратится в такой же склад.

– И ты не избавишься от всего этого?

– Я бы не смогла. А вы?

– Мы с мадам Гамаш храним некоторые вещи, оставшиеся нам от родителей. Как тебе известно, у нее триста сестер и братьев, так что наследство нам досталось не целиком.

²⁵ Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник.

Изабель Лакост рассмеялась. Каждый раз, описывая семью мадам Гамаш, шеф увеличивал количество сестер и братьев своей жены. Лакост подозревала, что Гамаш – единственный ребенок – был потрясен, внезапно оказавшись в большой семье.

– Что там в подвале?

– Кедровый сундук с летними вещами, садовая мебель, принесенная на зиму. В основном дешевая пластмассовая. Садовые шланги и инструменты. Ничего личного.

– Ничего оставшегося с детских лет?

– Абсолютно.

Они оба знали, что даже для людей категорически несентиментальных такое было необычным. Но для пятерняшек? Вокруг них выстроилась целая промышленность. Сувениры, книги, куклы, пазлы. Гамаш не сомневался: если поискать в его доме, там непременно найдется что-нибудь связанное с пятерняшками. Ложечка, купленная его матерью. Открытка от родителей Рейн-Мари с улыбающимися девичьими мордашками.

В те времена, когда в Квебеке многие начинали отворачиваться от церкви, пятерняшки стали новой религией. В отличие от строгой католической веры, самыми действенными символами которой были жертва и смерть, долго сохранявшийся образ пятерняшек Уэлле являл собой символ счастья. Пять улыбающихся девчушек, ярких и живых. Мир пал на колени перед ними. Казалось, что единственные, кто не влюблен в пятерняшек, – это сами пятерняшки.

Гамаш и Лакост прошли по коридору и направились в разные спальни, договорившись встретиться через несколько минут и обменяться наблюдениями.

– Ничего, – доложила Лакост. – Чисто. Аккуратно. Никакой одежды, никаких личных вещей.

– И никаких фотографий.

Она отрицательно покачала головой.

Гамаш сделал длинный выдох. Неужели они и в самом деле жили такой стерильной жизнью? Нет, их дом вовсе не казался таким уж холодным. На взгляд Гамаша, он был теплым, дружелюбным. Здесь имелись персональные вещи, но не было глубоко личных.

Они вошли в спальню Констанс. Ковер с засохшими пятнами крови лежал на своем месте. Чемодан оставался на кровати. Оружие убийства унесли, но полицейская лента показывала место, где прежде валялась тяжелая лампа.

Гамаш подошел к маленькому чемодану и принялся вытаскивать из него вещи и аккуратно укладывать на кровать. Свитера, нижнее белье, шерстяные носки, юбка, удобные брюки. Теплое нижнее белье и фланелевая ночная рубашка. Все, что может понадобиться на Рождество в холодных краях.

Между теплыми рубашками он нашел три подарка, завернутые в цветную бумагу. Гамаш пощупал их, и бумага захрустела. Внутри было что-то мягкое.

Он знал: это что-то из одежды – сам получил от детей немало носков, галстуков, шарфов. Он взглянул на надписи.

Один подарок для Клары, другой для Оливье, третий для Габри.

Гамаш протянул свертки Лакост:

– Разверни их, пожалуйста.

Пока она занималась подарками, он осмотрел содержимое чемодана. Один из свитеров показался ему плотнее, чем обычно. Гамаш взял его и встряхнул.

– Шарф для Клары, – доложила Лакост. – Варезки для Оливье и Габри.

Она снова завернула подарки.

– Посмотри-ка, – сказал Гамаш, демонстрируя ей находку.

Фотографию.

– В списке Монреальской полиции этого не было, – заметила Лакост.

– Пропустить легко, – сказал Гамаш.

Он вполне представлял себе настроение криминалистов. Поздно, холодно, они проголодались, а дело все равно скоро спихнут другим.

Тут сказывался не столько непрофессионализм, сколько спешка. Никто не заметил маленький черно-белый снимок в свернутом толстом шерстяном свитере.

Гамаш подошел к окну и стал вместе с Лакост разглядывать фотографию.

Им улыбались четыре женщины лет тридцати пяти. Они обнимали друг дружку за талию и смотрели прямо в объектив. Гамаш поймал себя на том, что улыбается им в ответ, и заметил, что Лакост тоже не сдержала улыбку. Женщины на фотографии улыбались не во весь рот, но искренне и заразительно.

Это были четыре счастливых человека.

И хотя лица у них были одинаковыми, во всем остальном они различались. Одеждой, прическами, обувью, стилем. Даже фигурами. Две из них были полными, одна – худощавой, а четвертая являла собой нечто среднее.

– Что ты думаешь? – спросил он у Лакост.

– Очевидно, что это четыре сестры, но создается впечатление, будто они стараются выглядеть непохожими друг на друга.

Гамаш кивнул. У него возникло такое же ощущение.

Он посмотрел на оборот фотографии. Никаких надписей.

– Почему только четыре? – спросила Лакост. – Что случилось с пятой?

– Кажется, она умерла довольно молодой, – ответил Гамаш.

– Ну, выяснить нетрудно, – сказала Лакост.

– Да. Похоже, это работа как раз для меня, а ты займись чем-нибудь потруднее.

Гамаш сунул фотографию в карман, и следующие несколько минут они обыскивали комнату Констанс.

На прикроватной тумбочке лежала стопка книг. Гамаш вернулся к чемодану и вытащил оттуда книгу, которую Констанс собиралась взять с собой: «Ru» Ким Тью²⁶.

Он открыл книгу на закладке и перевернул страницу. Прочел первое предложение. Слова, которых никогда уже не прочтет Констанс Уэлле.

Гамаш любил книги, и закладка, оставленная недавно умершим человеком, вызывала у него печальные чувства. Он хранил две такие книги. Они стояли в шкафу в его кабинете. Их нашла его бабушка на прикроватных тумбочках в спальне его родителей после их гибели в автомобильной аварии. Гамаш тогда был ребенком.

Время от времени он доставал эти книги, трогал закладки, но так и не нашел в себе сил продолжить чтение с того места, где остановились они. Дочитать историю до конца.

Гамаш закрыл книгу Констанс и выглянул в окно на маленький задний двор. Он подозревал, что под снегом там огород. И летом сестры садились на дешевые пластмассовые стулья в тени большого клена и пили холодный чай. И читали. Или разговаривали. Или просто молчали.

Говорили ли они о тех днях, когда были пятерняшками Уэлле? Вспоминали ли детство? Вряд ли.

Этот дом казался убежищем, в котором они прятались от своего прошлого.

Старший инспектор повернулся и посмотрел на пятно на ковре, на полицейскую ленту. На книгу в своей руке.

Скоро он узнает всю историю.

– Я, кажется, понимаю, почему сестры Уэлле скрывали, что они пятерняшки, – сказала Лакост, когда они уже собирались уходить. – Но почему в безопасности собственного дома не хранить своих фотографий, открыток, писем? Вам это не кажется странным?

²⁶ Ким Тью – канадская писательница вьетнамского происхождения. «Ru» (в переводе с французского «Ручеек») – ее дебютный роман.

Гамаш спустился с крыльца:

– Думаю, в их жизни было очень мало того, что принято считать нормальным.

Они медленно пошли по утоптанной тропинке, щурясь на ярком солнце, усиленном снежной белизной.

– Кое-что еще отсутствовало, – сказал Гамаш. – Ты не заметила?

Лакост задумалась. Она знала, что Гамаш не проверяет ее. Он был выше этого, как и она сама. Однако сейчас у нее не было никаких идей.

Она отрицательно покачала головой.

– Ничего о родителях, – сказал Гамаш.

«Черт!» – подумала Лакост. Ничего о родителях. И как она упустила? В этой куче пятерняшек – или отсутствующих пятерняшек – она упустила нечто важное.

Месье и мадам Уэлле. Одно дело – скрывать часть своего прошлого, но зачем стирать из него еще и собственных родителей?

– По-вашему, что это означает? – спросила Лакост.

– Возможно, ничего.

– Вы полагаете, именно это забрал убийца?

Гамаш обдумал ее вопрос:

– Фотографии родителей?

– Семейные фотографии. Родителей и сестер.

– Не исключено, – ответил он.

– Я тут подумала... – начала Лакост, когда они подошли к ее машине.

– Продолжай.

– Да нет, глупости.

Гамаш поднял брови, но ничего не сказал. Просто посмотрел на нее.

– Что нам вообще известно о пятерняшках Уэлле? – спросила Лакост. – Они по собственной воле исчезли из виду, стали сестрами Пино. Вели чрезвычайно замкнутую жизнь...

– Не тяни, инспектор, – подбодрил ее Гамаш.

– Возможно, Констанс не последняя.

– Pardon?

– Откуда нам известно, что остальные мертвы? Может быть, одна из них жива. Кто еще мог проникнуть в дом? Кто еще знал, где они живут? Кто еще мог забрать семейные фотографии?

– Мы даже не знаем, понимал ли убийца, что Констанс из пятерни Уэлле, – заметил старший инспектор. – И мы не знаем, были ли похищены семейные фотографии.

Он уехал, но гипотеза Лакост не давала ему покоя.

Возможно, Констанс не последняя.

Глава двенадцатая

«Слушай внимательно, – умолял себя Жан Ги Бовуар. – Бога ради, сосредоточься».

Его колени дрожали, и он положил на них руку, поприжал.

Мартен Тесье инструктировал агентов, назначенных в рейд на одну из байкерских баз.

– Это вам не какие-то татуированные громилы, – говорил заместитель Франкёра, поднимая глаза от схем в блокноте. – Слишком многие мертвые полицейские и главари банд недооценивали байкеров. Это воины. Внешне они, может, и похожи на бездомных бродяг, но не сомневайтесь: они подчиняются дисциплине, они преданны и весьма мотивированы на защиту своей территории.

Тесье продолжал – сыпал образами, схемами, планами.

Но Бовуар слышал только собственный умоляющий голос: «Господи боже, не дай мне умереть».

Старший инспектор постучал в дверь и вошел в кабинет Терезы Брюнель. Она подняла голову и взглянула на него.

– Пожалуйста, закройте дверь, – сказала она, снимая очки.

Ее голос и манеры показались ему необычно резкими.

– Я получил ваше сообщение, но меня не было в городе.

Он посмотрел на часы на ее столе – стрелки только-только перевалили за двенадцать.

Она показала ему на стул. Он помедлил секунду, потом сел. Тереза опустилась на стул рядом. Выглядела она усталой, однако одета была, как всегда, с иголки и полностью владела собой.

– Извините, Арман, но мы дошли до конца.

– Что вы имеете в виду?

– Вы знаете, что я имею в виду. Я думала об этом, говорила с Жеромом, и мы считаем, что искать тут больше нечего. Мы гонялись за собственным хвостом.

– Но...

– Не прерывайте меня, старший инспектор. Вся история с видео вышла из-под контроля и раздулась до невероятных размеров. С ней покончено. Видео ушло в свет, и, что бы мы ни делали, назад его не вернуть. Вы должны остановиться.

– Не понимаю... – Он взглянул в ее лицо.

– Все очень просто. Вы обиделись, рассердились и захотели отомстить. Вполне естественно. Потом вы убедили себя, что за этим стоит нечто большее, чем просто видео. Вы распалились и распалили всех вокруг. Включая и меня. Тут уж моя вина, не ваша. Я позволила себе поверить вам.

– Что случилось, Тереза?

– Суперинтендант, – отрезала она.

– Désolé. Суперинтендант. – Он понизил голос. – Что-то случилось?

– Конечно случилось. Я пришла в чувство. И вам советую сделать то же самое. Я почти не спала прошлой ночью. Утром встала и набросала кое-какие заметки. Хотите посмотреть?

Гамаш кивнул, внимательно глядя на нее. Она протянула ему листок с записями. Он надел очки, прочитал написанное и аккуратно сложил листок пополам.

– Как видите, я перечислила все, что может свидетельствовать в пользу вашей версии, согласно которой старший суперинтендант Франкёр организовал утечку видео и имеет еще более далеко идущие и зловещие цели...

– Тереза! – воскликнул Гамаш, внезапно наклонившись вперед, словно хотел физически воспрепятствовать продолжению ее монолога.

– Да бога ради, старший инспектор, прекратите вы. В моем кабинете нет жучков для прослушки. Нас никто не слышит. Никому мы не нужны. Все это в вашей голове. Посмотрите на мои записи. Там нет никаких доказательств. Груз нашей дружбы и мое уважение к вам затуманили мой разум. Вы соединили точки, которые существуют только в вашей голове. – Она подалась к нему чуть ли не с угрозой в голосе и облике. – И все по причине вашей личной неприязни к Франкёру. Если вы и дальше будете продолжать так, Арман, то я лично пойду к нему со свидетельствами ваших действий.

– Не пойдете, – произнес Гамаш, едва владея голосом.

– Я устала, Арман, – сказала она, вставая и пересаживаясь за свой стол. – Жером без сил. Вы затасили нас обоих в ваши фантазии. Прекратите. А еще лучше – подайте в отставку. Поезжайте в Париж на Рождество, подумайте о моих словах, а когда вернетесь...

Она не закончила предложение, и оно повисло в воздухе между ними.

Гамаш встал:

– Вы совершаете ошибку, суперинтендант.

– Если и совершаю, то сделаю это в Ванкувере с нашей дочерью. И там мы с Жеромом обсудим мое будущее. Пора отступить, Арман. Квебекская полиция не разваливается на части. Разваливаетесь вы. Мы динозавры, и метеорит уже упал на землю.

– Готов? – Тесье похлопал Бовуара по спине.

«Нет».

– Готов, – ответил Бовуар.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты повел команду на второй уровень бункера.

Тесье улыбался, словно только что вручил Бовуару билет на Багамы.

– Да, сэр.

Он сумел дотащиться до туалета и заперся в кабинке. Его рвало и рвало без остановки, пока желудок не опустел и изнутри не стал прорываться наружу лишь зловонный воздух.

– Вас, шеф.

– Это важно?

Секретарь заглянула через открытую дверь в его кабинет. За все те годы, что она работала со старшим инспектором Гамашем, он никогда не задавал такого вопроса. Доверялся ей – если уж она переводит звонок на него, то, по ее мнению, разговор того стоит.

Но после встречи с суперинтендантом Брюнель он казался каким-то рассеянным и последние двадцать минут просто смотрел в окно.

– Хотите, чтобы я приняла телефонограмму?

– Нет-нет. – Он потянулся к трубке. – Я отвечу.

– Salut, patron, – раздался веселый голос Оливье. – Надеюсь, не оторвал вас от дел. – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Габри просил уточнить, понадобится ли вам номер сегодня.

– Кажется, я его уже предупредил. – Старший инспектор услышал в собственном голосе некоторое раздражение, но не сделал ничего, чтобы изменить тон.

– Послушайте, я только выполняю его просьбу.

– У него что, избыток желающих?

– Нет, номера есть, но он хочет знать, сколько вас будет.

– Что значит – сколько?

– Инспектор Бовуар тоже приедет?

Гамаш резко выдохнул в трубку.

– Vous²⁷, Оливье, – раздраженно начал он, но тут же взял себя в руки. – Послушайте, я же ему все объяснил. Инспектор Бовуар работает по другому делу. Инспектор Лакост останется в Монреале, будет продолжать расследование здесь, а я приеду в Три Сосны, буду распутывать клубок с той стороны. Я оставил Анри у мадам Морроу. Так что я в любом случае приеду.

– Не надо так беспокоиться, старший инспектор, – фыркнул Оливье. – Я просто задал вопрос.

– Я не беспокоюсь, – сказал Гамаш, хотя было ясно, что это не так. – Я просто занят, и у меня нет времени на всякие глупости. Если в гостинице есть номер, значит все в порядке. Если нет, я заберу Анри и вернусь в Монреаль.

– Non, non. Номер есть. Оставайтесь сколько пожелаете. Габри не принимает бронирование перед Рождеством. Он слишком занят концертом.

Гамаш не собирался продолжать разговор. Он поблагодарил Оливье, повесил трубку и посмотрел на маленькие часы на столе. Почти половина второго.

Старший инспектор откинулся на спинку кресла, развернулся спиной к кабинету и лицом к большому окну, выходящему на заснеженный Монреаль.

Половина второго.

Часы показывали половину второго.

Бовуар еще раз глубоко вздохнул и прижался спиной к стенке урчащего автобуса. Он попробовал закрыть глаза, но тошнота лишь усилилась. Он повернул голову, чтобы холодный металл охладил горячую щеку.

Рейд начнется через полтора часа. Жаль, что у автобуса нет окон: Бовуар хотел бы видеть город. Знакомые здания. Все надежно, предсказуемо. Жан Ги всегда предпочитал находиться среди творения рук человеческих, а не на природе. Он попытался представить, где они сейчас находятся. Уже проехали мост. Что там снаружи – здания или лес?

Где он?

Гамаш знал, где Бовуар. Бовуар должен был участвовать в рейде, начало которого запланировано на три часа.

Еще один рейд. Назначенный Франкёром рейд, в котором нет никакой необходимости.

Старший инспектор закрыл глаза. Глубокий вдох. Полный выдох.

Он надел куртку. У дверей остановился, глядя, как инспектор Лакост раздает задания агентам. Или пытается раздавать.

Это были новые агенты, переведенные в отдел, тогда как люди Гамаша получили назначения в другие подразделения Квебекской полиции. Ко всеобщему удивлению, старший инспектор не протестовал. Не сопротивлялся. Казалось, он не замечал, как потрошат его отдел. Или его не заботило то, что происходит.

Такая реакция выходила за пределы объяснимой невозмутимости. Некоторые стали спрашивать себя, а не потерял ли Арман Гамаш вообще интерес к службе. И все же, когда он подошел к группе, они насторожились, замолчали.

– На пару слов, инспектор, – сказал Гамаш и улыбнулся агентам.

Изабель Лакост последовала за Гамашем в его кабинет.

– Бога ради, сэр, почему мы должны мириться с тем, что происходит? – Она мотнула головой в сторону офиса.

– Давай просто делать все, что можем.

– Как? Подняв руки вверх?

²⁷ Послушайте (фр.).

– Никто не поднимает руки вверх, – сказал он убедительным голосом. – Ты должна мне верить. Ты замечательный следователь. Цепкий, наделенный интуицией. Умный. И у тебя безграничное терпение. Ты сейчас должна им воспользоваться.

– Оно не безграничное, patron.

Он кивнул:

– Я понимаю. – Ухватившись руками за края стола, он наклонился к ней. – Конечно, не позволяй им хамить. Не позволяй выбить себя из колеи. И всегда, всегда полагайся на свою интуицию, Изабель. Что она тебе говорит?

– Что нас имеют.

Он откинулся назад и рассмеялся:

– Тогда ложись на мою. Все развивается не так, как мне хотелось бы, это несомненно. Однако до конца еще далеко. Мы не сидим сложа руки, мы просто делаем глубокий вдох.

Лакост посмотрела на агентов, которые бездельничали за своими столами, игнорируя ее приказы.

– Но пока мы переводим дыхание, они берут верх. Уничтожают отдел.

– Да, – сказал он.

Она ждала, что последует «но», но Гамаш молчал.

– Может быть, припугнуть их? – предложила она. – Лев уважает только более крупного льва.

– Они не львы, Изабель. Они могут досаждают, но они ничтожны. Они муравьи или жабы. Можно переступить через них или обойти их. Но не нужно наступать на них. С жабами не воюют.

«Жабы или какашки. Фекалии какого-то зверя покрупнее», – думала Лакост, выходя из кабинета шефа. Старший инспектор прав, решила она. Новые агенты не стоят того, чтобы тратить на них силы. Она их обойдет. Пока.

Гамаш поставил машину на зарезервированное место – знал, что сотруднице, которая обычно паркуется здесь, оно не понадобится. Она улетела в Париж.

Он посмотрел на часы: два часа. Помедлил, закрыв глаза. Потом открыл их и решительно зашагал по обледелой дорожке к служебному входу в Национальную библиотеку. У двери он набрал код Рейн-Мари на замке и услышал щелчок запора.

– Месье Гамаш. – Лили Дюфур с понятной обеспокоенностью подняла голову. – Я думала, вы в Париже вместе с Рейн-Мари.

– Нет, она поехала вперед.

– Чем я могу вам помочь?

Она встала и направилась к нему – подтянутая, хорошо владеющая собой. Дружелюбная, но холодноватая, на грани формальности.

– Мне нужно провести небольшое исследование, и я подумал, что вы мне поможете.

– На какую тему?

– Пятерняшки Уэлле.

Она подняла брови:

– Правда? Зачем вам это понадобилось?

– Вы ведь не ждете, что я отвечу на ваш вопрос? – спросил с улыбкой Гамаш.

– А вы, значит, не ждете, что я стану вам помогать?

Улыбка сошла с его лица. Рейн-Мари рассказывала ему о мадам Дюфур, которая охраняла документы Национальной библиотеки и архива Квебека, словно свою частную коллекцию.

– Полицейские дела, – пояснил он.

– Библиотечные дела, старший инспектор, – парировала она, кивая на большую закрытую дверь.

Он проследил за ее взглядом. Они сейчас находились в кабинетах, где работали библиотекари. А за теми дверями раскинулось общественное пространство библиотеки.

Приходя к жене, Гамаш по большей части ждал ее в громадном публичном пространстве библиотеки, где стояли ряды столов с лампами, за которыми сидели студенты, профессора, исследователи и просто интересующиеся. На столах имелись розетки для подключения компьютеров, а вай-фай обеспечивал доступ к файлам.

Но не ко всем файлам. В библиотеке и архиве хранились десятки тысяч документов. Не только книги, но и карты, дневники, письма, хартии. На многих из них лежала пыль веков. И большинство еще оставалось неоцифрованным.

Десятки специалистов просиживали долгие часы, чтобы просканировать все, но на это требовались годы, десятилетия.

Гамаш любил бродить по проходам, представляя себе всю историю, хранящуюся здесь. Карты, созданные Картье. Дневники Маргерит д'Ювиль. Забрызганные кровью планы битвы на Полях Авраама²⁸.

И может быть, может быть, история пятерняшек Уэлле. Не та, что предназначалась для публичного потребления, а их частные жизни. Их настоящие жизни, а не то, что происходило перед объективами камер.

Если где и хранилась такая история, то здесь.

И она была нужна Гамашу.

Он снова повернулся к мадам Дюфур:

– Я ищу сведения о пятерняшках Уэлле в связи с расследуемым делом, и мне необходима ваша помощь.

– Я уже догадалась.

– Мне нужно посмотреть их частный архив.

– Этот архив засекречен.

– Почему?

– Не знаю. Я его не читала. Он засекречен.

Гамаш почувствовал укол раздражения, но тут заметил, что она слегка подсмеивается над ним.

– Вы бы хотели прочитать эти документы? – спросил он.

Мадам Дюфур помедлила, выбирая между правильным ответом и правдивым.

– Пытаетесь меня подкупить? – спросила она.

Теперь пришла его очередь забавляться. Он знал ее валюту – такую же, как и у него. Информация, знания. Обнаружение того, что больше никому не известно.

– Даже если я вам позволю, вы не сможете использовать найденную информацию в суде, – сказала мадам Дюфур. – Она будет считаться полученной незаконным образом. Ее владельцы еще живы.

Под словом «владельцы» она, по-видимому, подразумевала самих пятерняшек.

Гамаш ничего не ответил, и она посерьезнела, оценивая своими умными глазами его самого и его молчание.

– Идемте.

Она повернулась спиной к большим дверям, которые вели к стеклу и металлу публичного пространства библиотеки, и двинулась в противоположном направлении. По коридору.

²⁸ Жак Картье (1491–1557) – французский мореплаватель, положивший начало французской колонизации Северной Америки. Святая Маргерит д'Ювиль (1701–1771) – канадка французского происхождения, основательница монашеского ордена. Битва при Квебеке, или битва на Полях Авраама (13 сентября 1759 г.) – одно из решающих сражений Франко-индейской войны.

Вниз по лестнице. Наконец она набрала код на клавиатуре, и большая металлическая дверь распахнулась с тихим присвистом.

Как только дверь открылась, автоматически зажглись лампы накаливания. В помещении без окон было прохладно.

– Извините за освещение, – сказала мадам Дюфур, заперла за собой дверь и пошла вглубь помещения. – Мы стараемся свести его к минимуму.

Когда глаза Гамаша привыкли к полумраку, он понял, что они находятся в довольно большом помещении, но лишь одном из многих. Он посмотрел направо, налево, вперед. Увидел анфиладу хранилищ под зданием библиотеки.

– Идете? – спросила мадам Дюфур и пошла дальше.

Гамаш понял, что если потеряет ее, то останется здесь навсегда, и поспешил следом.

– В каждом хранилище содержатся материалы за четверть века, – пояснила мадам Дюфур, быстро переходя из одного помещения в другое.

Гамаш пытался на ходу читать бирки на ящиках, но в тусклом свете это было затруднительно. Ему показалось, что на одном он увидел надпись «Шамплейн», и подумал, не хранится ли там Шамплейн собственной персоной²⁹. В соседнем хранилище он прочел: «Война 1812 года».

Немного погодя он перестал смотреть по сторонам и сосредоточил взгляд на стройной спине мадам Дюфур. Решил, что лучше не знать о сокровищах, мимо которых он проходит.

Наконец мадам Дюфур остановилась, и он чуть не натолкнулся на нее.

– Здесь. – Она кивком показала на один из ящиков.

На бирке значилось: «Пятерняшки Уэлле».

– Кто-нибудь еще видел документы по Уэлле? – спросил он.

– Мне об этом неизвестно. Думаю, после того как их собрали и засекретили, их никто не видел.

– А когда это случилось?

Мадам Дюфур подошла к ящику, прищурилась:

– Двадцать седьмого июля тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года.

– Почему именно тогда? – недоуменно спросил он.

– А почему сейчас, старший инспектор? – спросила она, и он понял, что она стоит между ним и тем, что привело его сюда.

– Служебная тайна, – ответил он небрежным тоном, но не сводя с нее глаз.

– Я умею хранить тайны, – сказала мадам Дюфур, глядя на длинные ряды стеллажей.

Гамаш немного помедлил и наконец решился:

– Два дня назад умерла Констанс Уэлле.

Мадам Дюфур приняла эту информацию близко к сердцу:

– Прискорбно. Кажется, она была последней из них.

Гамаш кивнул, и она посмотрела на него внимательнее.

– Она не просто умерла, да?

– Да.

Лили Дюфур глубоко вздохнула:

– Моя мать ходила смотреть на них, ну, вы знаете, в тот дом, который им построили в Монреале. Стояла в очереди несколько часов. Они в то время были совсем детьми. Она не забыла этого дня до самой смерти.

Гамаш кивнул. Пятерняшки обладали какой-то магией, а их крайняя замкнутость в более поздней жизни лишь добавляла мистики.

²⁹ *Самюэль де Шамплейн* (1567–1635) – французский путешественник, получивший в 1601 г. титул королевского географа, основатель и губернатор первых французских поселений в Канаде. Место захоронения Шамплейна неизвестно.

Мадам Дюфур отошла в сторону, и Гамаш потянулся к ящику, где хранилась личная жизнь сестер Уэлле.

Бовуар посмотрел на часы. Без десяти три. Он стоял, прижавшись к кирпичной стене. Трое полицейских находились у него за спиной.

– Оставайтесь здесь, – прошептал он и завернул за угол.

Он мельком увидел удивление на их лицах. Удивление и беспокойство. Не из-за того, что им предстоит провести налет на владения байкерской банды, а из-за того, кто их поведет.

Бовуар понимал, что у них есть причины бояться.

Он слегка стукнулся головой о кирпичную стену. Потом согнулся так, что колени уперлись в грудь, и начал раскачиваться. Раскачиваясь, он слышал ритмичное поскрипывание своих тяжелых ботинок на снегу. Как лошадка-качалка, которой требуется смазка. Требуется что-то.

Без восьми минут три.

Бовуар сунул руку в карман бронежилета. Туда, где лежали бинты и пластырь для остановки кровотечения. Он извлек наружу два пузырька с таблетками, открутил крышку с одного и быстро проглотил две таблетки оксикодона. Две предыдущие вынесло из его желудка вместе с рвотой, и теперь он очень плохо соображал от боли.

И другую. Другую. Бовуар уставился на пузырек, чувствуя себя как человек, который прошел полмоста.

Он боялся принять таблетку и боялся не принимать. Он боялся атаковать бункер и боялся убежать. Он боялся умереть и боялся жить.

А больше всего он боялся, что все узнают, как ему страшно.

Бовуар отвернул крышечку и встряхнул пузырек. Таблетки посыпались с его дрожащей руки и затерялись в снегу. Но одна осталась в центре ладони. Его потребность была так велика, а таблетка казалась такой крохотной. Он поспешил закинуть ее в рот.

Без пяти три.

Гамаш сидел за столом в архиве, читал и делал записи. Его захватило то, что обнаружилось в ящике. Дневники, личные письма, фотографии. Но вот он снял очки, потер глаза и окинул взглядом еще не прочитанные книги и документы. Сегодня он никак не успеет их дочитать.

Он нажал на звонок вызова, который ранее показала ему мадам Дюфур. Три минуты спустя послышались шаги по бетонному полу.

– Я бы хотел взять это с собой. – Гамаш кивнул на стопку на столе.

Мадам Дюфур открыла рот, чтобы возразить, но передумала.

– Констанс Уэлле и в самом деле убили? – спросила она.

– Да.

– И вы полагаете, какие-то сведения из этих... – она посмотрела на документы на столе, – помогут вам?

– Да, полагаю.

– Знаете, в следующем августе я заканчиваю работать. Принудительная отправка на пенсию.

– Сочувствую, – сказал Гамаш.

Она огляделась вокруг и улыбнулась:

– Меня сдадут в архив. Надеюсь, ни я, ни документы из архива Уэлле не пропадут. Забирайте их, месье. Но пожалуйста, верните. Штраф будет очень серьезный, если вы их потеряете или их съест ваша собака.

– Мерси, – сказал Гамаш, подумав, что мадам Дюфур, вероятно, знакома с Анри. – Я хочу попросить у вас кое-что еще.

– Почку?

– Код.

Несколько минут спустя они стояли у служебного входа. Гамаш обеими руками держал тяжелую коробку.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, старший инспектор. Передайте мой привет Рейн-Мари, когда ее увидите. Joyeux Noël.

Но прежде чем дверь закрылась, она снова окликнула его:

– Будьте осторожны. Свет и влага могут нанести документам непоправимый ущерб. – Она внимательно посмотрела на него. – А вы, месье, наверное, лучше других понимаете, что такое «непоправимый ущерб».

– Oui, – согласился он. – Joyeux Noël.

Когда Арман Гамаш добрался до Трех Сосен, было уже темно. Он припарковался близ гостиницы и даже дверь не успел открыть, как из бистро появились Оливье и Габри. Гамашу показалось, что они ждали его прибытия.

– Как доехали? – спросил Габри.

– Неплохо, – ответил Гамаш, вытаскивая из машины сумку и тяжелую картонную коробку. – Если, конечно, не считать мост Шамплейна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.